

02 (656) февраль, 2012

ЛЕДОВЫЙ ЦИТУРМ

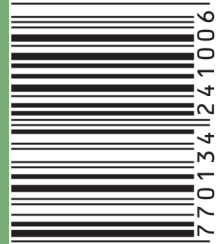
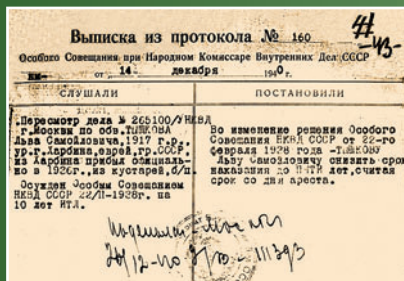
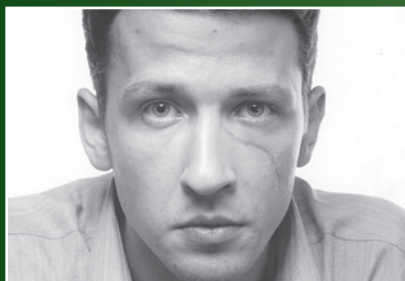
2
10
2

«ЧИТАЛ?
БОРИС РЫЖИЙ...»

СКРИПАЧ
ИЗ ИВДЕЛЬЛАГА

ПУТЕШЕСТВИЕ
ЗА ЦИТРИНОМ

12002
9 770134 241006

февраль 2012

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки М. Фирсова

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Евгений Виноградский, «Снежный барс», МС МК
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
- Виктор Христорожский, Председатель Курганского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

тел. (343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru **www.uralstalker.com**

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформите подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com», №2 подписан к печати 7.02.2012 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в типографии «Артес», г. Екатеринбург, ул. Ухтомская, 45 (343) 287-03-52.

Заказ №

Встречный ветер

Наши проекты

А. ЛОЖКИНА
Ледовый
шторм..... 3

Охрана природы

А. ДОЛГОВЫХ
Природные парки:
популярно
о наболевшем 18

Камни Урала

Н. ИВАНИНА
Ю. АЛЕСЕНКОВ
Цитрины
Ольховского
месторождения 12

А. КУЗЬМИН
Путешествие
за цитрином..... 16

Река времени

Далекое-близкое

А. МУРЗИН
«Оправдешные»
рыбаки
Приисеться 20

Мемуары

Е. КАСИМОВ
«Вечереет.
И к нам
на огонь...» 36

Л. ЭГЛИТ
Наша
«Королева
чардаша» 28

Портреты

Н. ГЕЛЕВЕРОВ
Константин Реут –
жизнь
продолжается 40

Э. КОБЕЛЕВ
Огонь, вода
и медные трубы
скрипача Тышкова
(Хроника) 30

Павленковский
ресурс

Ю. ДЕМЧЕНКОВ
Небыль и быль
об отце
Александре 44

Журнал в журнале

Ледовый штурм

«... когда ты невольно вздрагиваешь, чувствуя, как ты мал, помни: пространство, которому, кажется, ничего не нужно, на самом деле нуждается сильно во взгляде со стороны, в критерии пустоты. И сослужить эту службу способен только ты»
(И. Бродский. Назидание. 1987 г.)

5 февраля на Площади им. 1905 года и акватории городского пруда между ул. Челюскинцев и проспектом Ленина состоялся ставший традиционным зимним мероприятием «Уральского Следопыта» «Ледовый штурм-2012». Штурмовали ледяное царство как могли: зимней рыбалкой на мормышку; гонками на собачьих упряжках; тест-драйвом вездеходно-снегоходной техники; автомобильным спортом; турниром по мас-рестлингу и собственно ледолазанием. В очередной раз помогли со всем этим справиться люди с ограниченными возможностями, для которых был организован специальный фестиваль. Давайте прогуляемся по площадкам фестиваля и узнаем, как все это происходило.

Анастасия Ложкина

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

фото М. Рукавичниковой

фото М. Рукавицниковой

В этом году в зимней рыбалке на «Ледовом штурме» принял участие 81 человек. По словам инспектора рыболовных соревнований судьи 1 категории Виталия Медведева, это рекорд. Рыбачили все: и мужчины, и женщины, и юноши, и девушки. На городской пруд съехались рыбаки не только из Екатеринбурга,

но и Каменска-Уральского, Нижнего Тагила, Асбеста, Артемовского, Кургана. Из Челябинска прибыла целая делегация в количестве 17 человек. Кроме того, в рыбалке впервые за три года проведения мероприятия принял участие человек с ограниченными возможностями. Будучи полностью экипированным, Леонид с радостью принял предложение соревноваться в ловле рыбы. «Вообще-то, я предпочитаю летнюю рыбалку, — признается

он. — Частенько выезжаем с друзьями на р. Исеть, озеро Балтым и ловим рыбу целыми днями. Свежий воздух, природа. Но бывает, и на пруд выбираюсь».

Другой участник состязания, Дмитрий, признается: «Рыбачу давно, а вот участие в этом мероприятии принимаю впервые. Здорово все. Столько рыбаков приехало с разных городов. Знакомых, правда, нет — еле удалось с работы вырваться и за один вечер собраться. Но для рыбака что главное?

фото В. Медведева

Встречный ветер

фото В. Медведева

фото В. Медведева

Природа, азарт, а все остальное — большого значения не имеет». По соседству с Дмитрием юный мальчуган из Челябинска проверяет свои удочки, поглядывая в сторону отца. Вот, словно насупившийся воробей, загорелый рыбак молча смотрит в бездонную лунку, докуривая папиросу. Несмотря на снегопад, никто из участников с ме-

ста не сдвинулся — рыбалка есть рыбалка.

Ежегодно организаторы соревнований по рыбной ловле определяют наиболее оптимальное место на пруду,

заблаговременно устраивая тренировки. «В этом году мы обнаружили участок, где клев самый лучший, — сообщает главный судья рыболовных состязаний Иван Демин. — Это как раз в районе Белого дома, театра Драмы. Вообще, в нашем пруду водятся окунь, ерш, язь, судак, подлещик. На соревнованиях по рыбной ловле на мормышку обычно присутствует только 2-3 вида. Так что нам повезло».

Результаты рыбалки подводились в личном зачете по весу выловленной рыбы и набранным баллам.

фото М. Рукавичниковой

фото В. Медведева

фото В. Медведева

фото И. Грома

фото Е. Тамплона

А в это время на городском пруду в районе проспекта Ленина происходила выставка, **тест-драйв внедорожной техники**, на которой демонстрировали свою технику конструкторы: снегоболотоход «ШТОРМ» («ОТДО», г. Пермь); уже хорошо известный нашим читателям вездеход-амфибия МАКАР («МАКАР», г. Екатеринбург); представители серийных квадроциклов, мотовездеходов и снегоходов STELS, «Русская Механика», «Армада» и многие другие. Надо отметить, что многие широко рекламируемые бренды вездеходной техники не рискнули в разгар уральской зимы представить на публичные ходовые испытания свою продукцию. Помимо показа, всем желающим предлагали испытать «железных коней» в деле, в качестве не только пассажиров, но и рулевых. Упустить такую возможность — для меня оказалось бы непростительной оплошностью. За-

бросив рюкзак в кабину «Шторма», устроилась на заднем сиденье... (подобнее — не то слово. Просто устроилась). Промчавшись вдоль всего пруда от ул. Ленина до ул. Челюскинцев, лихо взбираемся на берег через бордюр и, описав круг, возвращаемся на место старта. На неожиданное предложение сесть за руль охотно согласилась, перебралась на переднее сиденье. 13-летний Костя, юный помощник, — штурман отца, водитель внедорожника с 3-летним (!) стажем, был назначен ответственным (то ли за меня, то ли за машину). Краткий инструктаж: «Это газ, это тормоз. На педали давите сильнее. Руль иногда вырывает из рук, поэтому держать надо крепче». В общем, поехали и проехали... И скорость-то совсем небольшая (до 30 км/ч), и препятствий-то немного (не получилось со снегом в этом году, пока ...), а счастливые и полные адреналина глаза, мне казалось, горели так, что насквозь прожгли изрисованное морозом лобовое стекло. Выйдя из машины на ватных ногах, ощутила разлившуюся по всему телу дрожь. То ли от первого опыта вождения (да еще какого!!!), то ли от поднявшегося на пруду ветра. Собрав всю эту кучу эмоций в кулак, направилась к чуму, установленному неподалеку от старта-финиша тест-драйва. Татьяна Александровна Киселева, директор городского туристского клуба, уже рас-

фото И. Грома

фото М. Рухавичиковой

топила огромный самовар. По соседству на берегу пруда военные под руководством партнеров телекомпании «РЕН-Урал» готовили полевую кашу. Горячий чай со сладостями и тарелка гречки пришлись по душе людям с ограниченными возможностями, которых в ожидании поездки на санях за снегоходом укутывали в спальники Семен Исаакович Спектор, Юрий Коржавин и Вяземский. После двух кругосветок по городскому пруду инвалидам-колясочникам предложили почувствовать себя героями рассказов Д. Лондона, управляющимися на поиски золотых приисков, и прокатиться в собачьих упряжках. Голубоглазые, плюшевые лайки-хаски из питомника «Эльбрус», звонко полаявая, без особых усилий тянули за собой сани. Всем этим действием управлял лауреат премии им. Ю. Сенкевича, руководитель команды «Восхождение» Анатолий Вязовцев.

Чуть позднее начались **показательные выступления масштабных радиоуправляемых моделей**, впервые в истории «Ледового штурма». Радиоуправляемые автомоделей «багги», «монстры», «ралли» могут ездить по любым трассам, даже самым сложным: по земле, камням и снегу. Ходовые качества автомоделей демонстрировали благодаря наличию у них крупных колес, увеличенного хода подвески. Такие машинки чаще всего выпускаются в масштабе от 1:12 до 1:5 и внешне практически ничем не отличаются от своих полноразмерных собратьев. В заездах 5 февраля участвовали модели с двигателем внутреннего сгорания (на бензине и нитрометаноле) и электромоделей (на аккумуляторах). На заправке одного бака топлива машина может проехать около 20 минут, после чего необходима заправка нового бака, что происходит достаточно быстро. Для моделей с электродвигателем необходима более длительная процедура

зарядки аккумулятора, а в полевых условиях это может быть достаточно сложно. «Но я все же предпочитаю модели с электродвигателем, поскольку на морозе бывает проблематично запустить двигатель. К тому же, машины с двигателем внутреннего сгорания на бензине, например, больше по габаритам, чаще ломаются», как признался один из организаторов и участников выставки моделей Николай Ермилов.

фото И. Грома

фото И. Грома

фото И. Грома

фото Е. Тамплона

фото Е. Тамплона

Еще одной новой дисциплиной «Ледового штурма-2012» стал организованный на сцене Ледового городка на Площади им. 1905 года турнир по якутскому виду единоборства – мас-рестлингу (по-якутски «мас тардыһы»). Суть единоборства заключается в перетягивании деревянной палочки. Соревнующиеся, согласно своим весовым категориям, садятся друг напротив друга, упираются ногами в разделяющую их доску, берутся хватом снизу или хватом сверху за палочку и начинают ее перетягивать. Выигрывает тот, у кого в руках останется эта палочка, либо тот, кто сумел перетянуть на свою

фото Е. Тамплона

фото Е. Тамплона

сторону противника. Уникальность этого вида единоборства заключается в том, что борцы не касаются друг друга, т. е. не причиняют друг другу телесных повреждений. Участие приняли спортсмены из Сысерти и сборная студентов из Якутии. Главный судья соревнований, Алексей Казаков, предоставил возможность сильнейшим «мас-рестлингистам» поднять флаги этих территорий, ознаменовав тем самым открытие турнира в рамках зимнего фестиваля. Тут же была установлена площадка для всех желающих испытать свои силы и ловкость в «мас тардыһы».

фото М. Рукавичниковой

фото М. Рукавичниковой

фото М. Фирсова

фото И. Громова

А на соседней площадке того же снежного городка был организован настоящий штурм льда! Подъем с «жумаром» людей с ограниченными возможностями в специально оборудованных креслах на 12-метровые ледяные башни.

Руководитель команды «Восхождение» Анатолий Вязовцев и конструктор Александр Быков совершили невероятное — подчинили инвалидам вертикаль. Перестегивая ремни, карабины, страховочные веревки, один за другим инвалиды-колясочники поднимались со снаряжением на стену, откуда можно было увидеть центр города свысока. И позднее, уже возвращаясь в машину, замерзшие, уставшие, но счастливые, они то и дело оглядывались, повторяя: «Нет, меня там наверху не было. Там был не я. Меня там просто не могло быть!». Несколько десятков изумленных зрителей, случайных и приехавших специально, замороженно наблюдали за всем происходившим.

Не веря своим глазам или смелости лазающих, они были просто восхищены!

Самые смелые и отважные приняли участие в соревнованиях по ледолазанию на квалификацию (траверс) и на скорость, организацией которых занялся Анатолий Долговых, помогал ему и судил Роман Никитин. Переобувшись в совсем не городские ботинки и «кошки», прихватив с собой два ледовых крюка или айс-фифи и натянув каску, участники траверсировали ледяную стену, впиваясь, сливаясь с ней в одно целое. После отборочного тура начались соревнования на скорость на те же башни, которые до этого были покорены людьми с ограниченными возможностями.

ными возможностями. Участие приняли альпинисты, туристы, скалолазы Уральского региона. Фееричным завершением ледового мероприятия стало состязание наиболее квалифицированных и сильнейших ледолазов: прохождение трассы по навешанным бревнам, именуемым за внешнее сходство «буратиными». Мастерски, с точностью ювелира, ловкостью леопарда и силой ветра спортсмены преодолели все преграды на глазах изумленной публики. На льду были замечены.

Сегодня рабочий день. О том, что происходило в центре города 5 февраля, говорят только просверленные рыбаками лунки, следы внедорожников и куски льда, выдолбленные в гордке кошками и фифами. Штурм удался на славу. Лед покорился. Теперь жители Екатеринбурга смогут узнавать в лицо самых квалифицированных ледолазов, самых отважных инвалидов-колясочников, самых авантюрных водителей внедорожников, самых ловких рыбаков, самых сильных борцов мас-рестлинга и самых умелых моделлистов радиоуправляемых машин. **УС**

фото М. Фирсова

Редакция журнала выражает благодарность за действенную поддержку команды ВОСХОЖДЕНИЕ и участников — людей с ограниченными физическими возможностями

- Корбуту Евгению Валерьевичу, директору экипировочного центра «ВЕК»;
- Сибирцевой Екатерине Александровне, директору МБОУ Гимназия № 9;
- Волгину Олегу Владимировичу, директору ЕМУП СМЭП
- Марковой Ирине Михайловне, директору благотворительного фонда «Синара»
- Шитикову Сергею Ивановичу, руководителю представительства ЯНАО в Екатеринбурге

фото М. Рукавичниковой

ЦИТРИНЫ

Ольховского месторождения

Иллюстрации предоставлены авторами

При слове «Ольховка» у большинства любителей камня сразу возникает в уме и другое слово — цитрин.

Ассоциация очень прочная, и существует уже несколько десятков лет, с конца 60-х годов прошлого века.

Название камня происходит от французского citron (лимон), благодаря желтому цвету.

Месторождение находится на территории Вишерского заповедника, расположено на западном макросклоне Северного Урала, включающем горные массивы Молебный Камень, Муравьиный Камень, Тульямский Камень и хребет Ольховочный. Ближайшая значительная вершина — г. Ишерим (1343 м н. у. м.).

Непосредственно месторождение расположено на северо-западном склоне хребта Ольховочный и приу-

рочено к сланцам муравьиной свиты среднего рифея. Оно представлено серией кварцево-хрусталеносных жил, часть из которых содержит цитрин.

Впервые кристаллы горного хрусталя были встречены в деловии при геолого-съёмочных работах, проводимых Мойвинской партией (Аблизин и др., 1968). Позднее геологами ОАО «Уралкварцсамоцветы» была вскрыта коренная минерализация, проведена

Н. Иванина

Ю. Алесенков

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

разведка и выполнена частичная отработка. Было пройдено несколько магистральных канав и глубоких (до 25 м) шурфов.

Маломощные жилы характеризуются относительно простым симметричным строением. Они крупные, чаще всего сложные многокамерные, что говорит о неоднократном тектоническом раскрытии полостей. Широко проявлены процессы регенерации. Жильные минералы представлены только кварцем. Новообразованные серицит, альбит, пирит и кальцит зафиксированы только в экзоконтактных частях жил. Причем о присутствии последнего можно догадываться только по полостям растворения ромбоэдрической формы.

Кристаллы кварца нередко покрыты пленкой гидроксидов железа и марганца. Изредка пространство между кристаллами выполнено полыми гроздьевидными агрегатами гетита. Эти полые футляры ориентированы сверху вниз и снизу вверх, для них характерен геометрический отбор, что не позволяет связывать их с ростом как по механизму сталактитов, так и из напорных капилляров.

Опыт изучения схожих хрусталеносных объектов Приполярного Урала (Кузнецов, Буканов, Юхтанов, 1988) показывает, что окраска цитрина обусловлена присутствием примесей, в частности, алюминия и лития, количество которых больше, чем в аметисте и дымчатом кварце. Под действием искусственного облучения (гамма) плотность окраски возрастает, бесцветные кристаллы, как правило, окрашиваются, что используется для облагораживания ограночного сырья.

Соотношение изотопов калия и аргона в околожильном сериците Ольховского месторождения позволяет предполагать, что формирование жил происходило из метаморфических растворов, образовавшихся при герцинском тектогенезе (230–250 млн лет).

Цитрин во все времена был редок, и на Урале существовала даже технология отжига, превращения аметиста (!) или мориона в цитрин под действием температуры: камни запекали в куске теста или глины.

...местные горняки таскали оттуда камни с конца 70-х. Тогда камнями практически не торговали, это было чистой воды коллекционирование; менялись разве что. А уже в начале 90-х продвинутые каменщики повезли этот камень в Мюнхен. Я сама

побывала на Ольховке в 1994-м. Кстати, месторождение находится на территории Вишерского заповедника, а потому свободное пребывание там, а тем более добыча камня — незаконны. Но мы — биологи, лесники, нас в заповеднике ждут.

В тот раз мы были втроем — я, мой муж (тогда еще — будущий) и наш водитель, что решил прогуляться за компанию. Сентябрь. Мы добрались на Уазике до самого Велса, поселка старателей. Там же оставили машину, с утра — вперед. Погода неплоха, и по лесу идем достаточно бодро. Но вот мы дошли до Пута-Тумпа... Абсолютно плоская вершина, плато. Но путь к ней... мне казалось порой, что я ползу по куруму, имеющему крутизну градусов 80... потому как реально на четвереньках, рюкзак не наваливается сверху, а тянет назад... Да, забралась. Выше границы леса. Вот уже и туча ниже нас, и радуга внизу — красота! Но потихоньку накрывает нас следующая туча, и мы

оказываемся окутаны сплошным серым, холодным туманом, морсящий дождь... Мой возлюбленный ускакал вперед, не подумав об ограниченной видимости; мы с водилой слегка замешкались, и вот — впереди никого, видимость метра три. Ага. Раз потерялись — надо стоять на месте, ждать, пока найдут (можно покрикивать). И тут начинается классический сюжет «ежик в тумане». Из облака внезапно материализуется муж: «Ну, что вы застряли? Идемте быстрее!» Идем, бежим просто! Пока не оказывается, что он впопыхах бросил рюкзак где-то под кустом... а вот под которым... Да, ежик, пропал твой узелок... Мужчины принимают решение: посадить меня под кустом (а вдруг тоже потеряют???) , самим искать рюкзак. И вот, пропотев под рюкзаком, я сижу теперь под моросью, а уже не лето, и ветер на вершине горы не игривый, и клянусь на чем свет и этот поход, и все мужское племя... А они, как два гончак, прочесывают плато. Прошло

фото Е. Тамплона

▲ Ограненный кристалл цитрина, 11 тыс. карат, мастер В. Силин

часа три... а может, больше... НАШ-ЛИ! Уже смеркается, и мы буквально бежим по курумнику — скорее пере-сечь, свалиться вниз, в лес! И там, под

раскидистыми елями — до сих пор сухо! Мы разводим «пионерский» костер — максимум огня, максимум тепла! Скоро начинаем дымиться со всех сторон, еда, горячий чай... А! Кто-то из мужиков наступает сапогом в котелок с чаем! Да чтоб тебя! Все по новой... в конце концов, нам

удается согреться и просушиться. И дальнейшая ночевка уже вполне сносна. Следующий день ничем не запомнился: всего-то прошли — болото, еще один подъем, и мы на месте. Мой супруг бывал здесь не однажды, поэтому примерно знает, где какие жилы и чего можно ждать. Поскольку от нас, зеленых, ждать нечего, он решает не бить шурф, а разбирать деловый — там тоже есть неплохой материал, от размытых жил. И вот мы копаем траншею, ковыряемся в мокрой глине, и временами — достаем оттуда лучезарные, солнечные кусочки цитрина. Поначалу — радуюсь любым обломкам, лобовно складываю в кучку, потом обмываю в ручье — чудо же! Чистая желтизна, прозрачная, осенняя, льдистая... потихоньку начинают попадаться кристаллы — настоящие! Впервые добытый кристалл поражает своей нереальностью — вот это ... вышло не из-под шлифовального станка, не из-под руки мастера... из грязи!!! Идеально ровные грани, идеальная прозрачность — у Бога свои мастерские... Через неделю добытый камень приходится сортировать — увы, все не унести на плечах. А мы же еще работаем по основной теме, и выносить

фото Е. Тамплона

Встречный ветер

надо — керны, древесные спилы, образцы почвы... Поэтому отбираются самые-самые, чистые и небитые. Обрато, как ни тяжело, мы проходим без ночевки. Снова старатели, дорога домой... Возвращение тоже не обошлось без курьеза. Мы едем в УАЗе, где кабина отделена от салона. Мужчины в кабине, я лежу в спальнике. Остановка: девочки направо, мальчики налево. Но, возвращаясь из лесу, я вдруг вижу, как машина моя отъезжает... Ау, мальчики, меня забыли!!! Пустынное шоссе, до Ивделя километров 40. Интересно, думаю, когда ж они обнаружат пропажу... Делать-то что? Мобильной связи в помине не было... Вариант один — топать по дороге, куда-нибудь приду. Вернулись минут через пятнадцать, смущенно хихикают: «а мы думали, ты уже села...»

Уже гораздо позже я увижу цитрин в изделии: когда камень не маленький и хорошо обработан, он приковывает к себе взгляд, посверкивает таинственно-желто, солнечный зайчик суровых Уральских гор... **УС**

фото Е. Тамплона

Путешествие за ЦИТРИНОМ

▲ Друза цитрина из коллекции Ф. Нурмухаметова.
Фото Е. Тамплона

Иллюстрации предоставлены автором

За последние 10 лет на многих российских центральных минералогических ярмарках стали появляться прекрасные образцы и сырье цитринов с Ольховского месторождения (север Пермской области). Кроме того, данный каменный материал стал пользоваться популярностью и на некоторых зарубежных выставках. Сотрудниками и студентами кафедры минералогии при УГГГА были проведены исследования по изучению свойств кристаллов цитрина с нового объекта.

«Сидим на перевале Ольховского месторождения. Месяц август, почему август? В это время уже нет комаров, а мошку сдувает северный ветер, про грибы и ягоды не говорим. Это самое божественное время для «хиты» — людей, которые пытаются найти красивый камень. Группа неболь-

шая — три человека, но каждый должен отвечать за свои действия, т.к. при любой внештатной ситуации пострадает вся группа. Скорую помощь не вызовешь, рация отсутствует, вертолет дорого, так что, кроме друзей, рассчитывать не на кого. Позади группы остался суматошный

Андрей Кузьмин

сотрудник Уральского
Центра камня

город с его суетой, а впереди целый месяц тишины без радио, телевизора, мобильного телефона, и только прекрасная и дивная природа с ее загадками и тайнами. Впереди гора Ишерим, оваянная мансийскими легендами, слева Тулым — самая высокая гора северного Урала, а дальше горы, горы, перевалы, «зубы» снежников по склонам. Все цвета не описать. Все это нужно видеть панорамным взглядом и вдыхать свежий воздух, который врывается в грудь. Не знаю, какой художник сможет набрать тона и полутона сумасшедшего августа. Все запутано на небольшом отрезке пути: лес переходит в горную тундру, болота, курумник. Только в фильме герой проходит все это с «песней», не взирая на рюкзак, перевалы и здоровье, а ты — обычный человек с нормальными законами движения. «Спиногрыз» — так называемый рюкзак, в который пытаемся засунуть провизию, одежду на месяц, весит не меньше 30 кг, а это достаточный груз, который перехватывает твоё дыхание и отнимает ноги. Но ты уже здесь, ты дошел эти 20 км — не умер, и это радует тебя совместно с природой. Под ногами отвесный склон к «ольховичному» ручью, но ломать руки и ноги не стоит, они пригодятся в работе, поэтому идем по «мансийской» тропе, которая по серпантину приведет до избушки геологов. Здесь в 1986–1989 гг. существовала партия «Уралкварцсамоцветы» — они и добыли прекрасные кристаллы цитрина. Затем ввиду нерентабельности закрыли и забыли. А вот бестолковая «хита» бродит и бродит.

Сбросив рюкзак, выпив кружку спирта, ты понимаешь — теперь начинается работа. Кайло, лопата, лом — вот простой набор старателя. Однообразие дней компенсируется вечерними беседами с друзьями,

▲ Кристалл цитрина, пронизанный другим кристаллом, из коллекции Пелепенко.
Фото Е. Тамплона

а остальное «бытовуха» — вари еду, копай, отмывай, заворачивай камень. Есть смешная поговорка: «На кубометр земли должен быть один кристалл». Это, конечно, шутка, но в каждой шутке есть доля правды. Поэтому я копаю как минимум на 3 метра в глубину. А ведь может оказаться, что до «счастья» 5–10 метров. Счастьем называется «занорыш» — то, что природа отложила для счастливицы. И если тебе прифартило, то ты, доставая кристалл, ощущаешь себя королем Крезом.

Но вот заканчиваются чай, сахар, сигареты. Поэтому надо возвращаться назад. Тем более, что вместо августовского солнышка прибыли холодные сентябрьские туманы, которые легко собьют и запугают на мансийской тропе в отрогах Тумпа (так манси называют гору с плоской вершиной). Заход и выход — это две проблемы: туда продукты, а назад камень. А все это килограммы, которые тебя даже не радуют, а до боли кушают твои

плечи лямками рюкзака. Но когда валишься бессильно на перекур, понимаешь, что все равно вернешься вназад в тишину, покой и природу. И невзирая ни на что, это остается твоим по духу и восприятием всей окружающей красоты.

Ну вот, товарищ читатель, если ты всем проникся и попробуешь рвануть за камнем, то будь внимателен и аккуратен. И тогда, возможно, лесные тундровые боги выдадут тебе маленькую частичку своих сокровищ». **VC**

ПРИРОДНЫЕ ПАРКИ: ПОПУЛЯРНО О НАБОЛЕВШЕМ

Иллюстрации предоставлены автором

Начнем с главного вопроса: что такое природный парк?

На территории Российской Федерации действует специальный закон, регулирующий отношения, возникающие при пользовании ресурсами особо охраняемых природных территорий — № 33-ФЗ. Также этот закон регулирует отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля над изменением ее состояния, экологического воспитания населения.

Согласно определению, данному в этом законе, *природные парки являются природоохранными рекреационными учреждениями, находящимися в ведении субъектов Российской Федерации, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие значительную экологическую и эстетическую ценность, и предназначены для использования в природоохранных, просветительских и рекреационных целях.*

Для простоты понимания буду приводить в пример наш парк —

«Бажовские места». Парк является государственным бюджетным учреждением областного подчинения, то есть создан согласно постановлению областного правительства и подконтролен Министерству природных ресурсов Свердловской области.

Если в заповедниках природные комплексы полностью изымаются из хозяйственного (в том числе рекреационного) использования, то в природных парках режим гораздо мягче — на территориях природных парков разрешена туристско-рекреационная деятельность. То есть, любой желающий может посетить территорию природного парка, соблюдая режим данного конкретного парка. Режимы посещения и охраны разных парков могут отличаться. Также может отличаться режим разных участков внутри одного парка. Например, природный парк «Бажовские места» делится на несколько зон, в зависимости от назначения и ценности природного комплекса: зона интенсивной рекреации, зона умеренной рекреации, зона покоя, зона ограниченного хозяйственного использования.

Для чего выделяют эти зоны?

Например, **основная функция зон ограниченного использования и покоя — природоохранная.** Эти зоны имеют наиболее строгий режим,

Анатолий Долгов

Рекреация (recreatio — восстановление) — комплекс оздоровительных мероприятий, осуществляемых с целью восстановления нормального самочувствия и работоспособности здорового, но утомленного человека.

Рекреационная нагрузка — показатель рекреационного воздействия, определяемый количеством отдыхающих на единице площади, временем их пребывания на объекте рекреации и видом отдыха.

посещение этих зон запрещено, внутри этих зон могут находиться только работники парка, обеспечивающие биотехнические мероприятия — подкорм животных, учет, патрулирование территории. На этих территориях животные парка имеют островок покоя и безопасности: здесь они спокойно размножаются, откармливаются, отсюда расселяется по территории парка и смежным территориям молодняк. Также локально выделены места постоянного сосредоточения животных, места отела, токовища и т.д. Вся эта идиллия достигается именно благодаря запрету посещения этой части парка. Зона ограниченного хозяйственного использования — это основная биотехническая база для увеличения численности и видового разнообразия животного мира природного парка «Бажовские места».

Зона умеренной рекреации позволяет выставить буферную зону между зоной покоя и площадками, постоянно принимающими интенсивную рекреационную нагрузку — проще говоря, туристическими достопримечательностями и легкодоступными прибрежными зонами, на которых всегда множество рыбаков и отдыхающих.

Зона интенсивной рекреации — самые интересные для массового (!) туриста или легкодоступные места в парке. Рекреационная нагрузка в этих местах крайне высокая. Учитывая это, в зоне интенсивной рекреации создана (или создается) туристическая инфраструктура парка, направленная в первую очередь на сохранение природных комплексов и обеспечение удобства посетителей. Она включает специально оборудованные тропы, экскурсионную инфраструктуру, скамейки, участки отдыха с беседками и туалетами, оборудованные костровища, мусоросборники. Это позволяет обеспечить сохранность природы даже в условиях высокой рекреационной нагрузки. Также, благодаря туристической инфраструктуре, природный парк может регулировать нагрузку и перераспределять поток посетителей в пиковые периоды или во время сезонных ограничений (весенняя распутица, пожароопасный период).

Согласно закону № 33-ФЗ, на природные парки возлагаются следующие задачи:

- а) *сохранение природной среды, природных ландшафтов;*
- б) *создание условий для отдыха (в том числе массового) и сохранение рекреационных ресурсов;*
- в) *разработка и внедрение эффективных методов охраны природы и поддержание экологического баланса в условиях рекреационного использования территорий природных парков.*

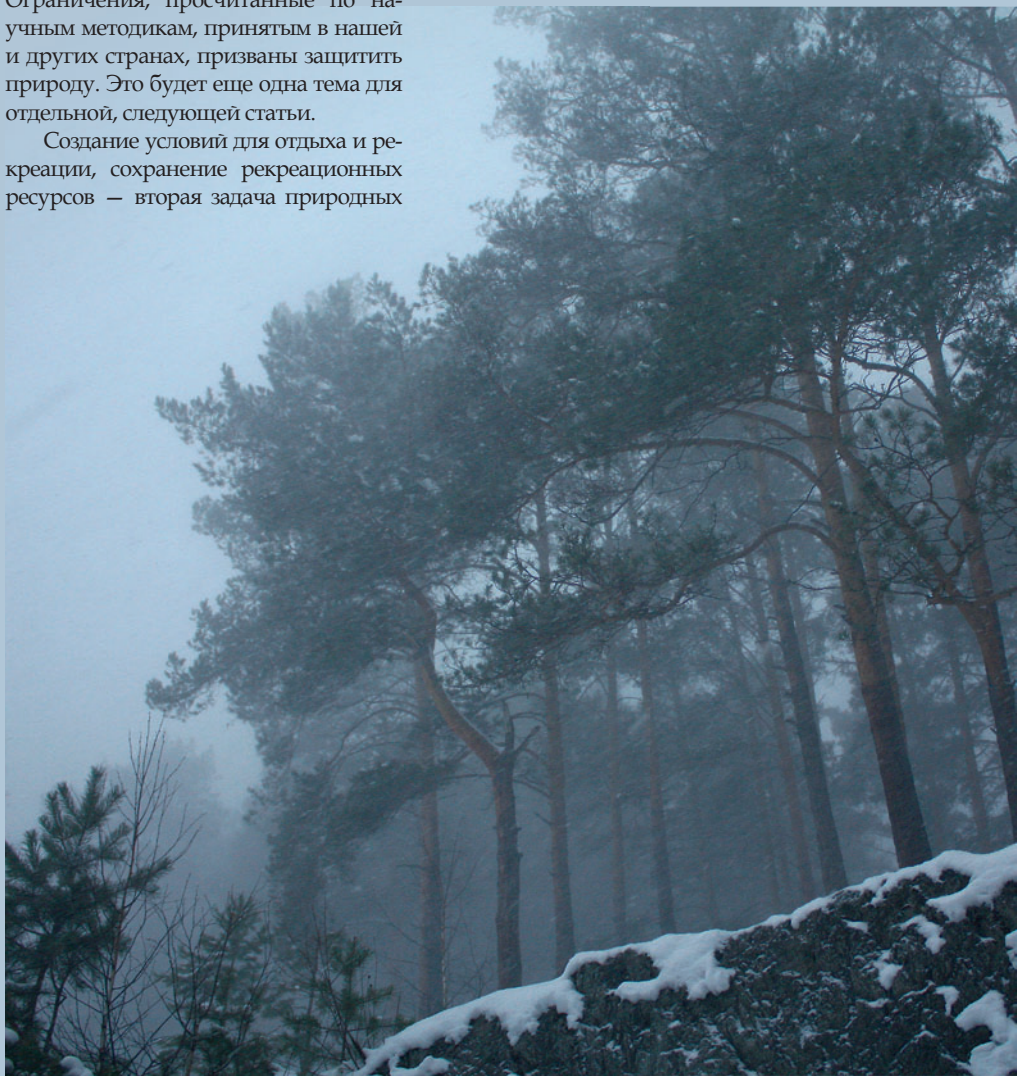
Остановимся на задачах поподробнее. Первая и главная задача природных парков — сохранение природных комплексов на вверенной территории. Исходя из этого и формируется режим территорий парков, ограничения для посетителей и строгость ответственности для нарушителей — но об этом поговорим в следующей статье. Как бы ни хотелось многим выставить природные парки (и «Бажовские места» в частности) в невыгодном свете из-за существующих ограничений на охоту, рыбалку, туризм, проезд по территориям парков на технике — все ограничения имеют объективные причины. Ограничения, просчитанные по научным методикам, принятым в нашей и других странах, призваны защитить природу. Это будет еще одна тема для отдельной, следующей статьи.

Создание условий для отдыха и рекреации, сохранение рекреационных ресурсов — вторая задача природных

парков. Очень часто посетители парка ошибаются в трактовке этой задачи. Не «туризм и рекреация», а создание условий для туризма! Не забываем, главная задача — природоохрана! Сюда же входит и контроль за безжалостно используемыми природными достопримечательностями и сохранение их.

Третья функция парков — самая интересная, на мой взгляд — научная. На базе парков разрабатываются новые и шлифуются старые методики биотехники, природоохраны, экологического просвещения, экологического туризма. Многие виды исследований длятся не один год, например, фенологические исследования. Данные маршрутных учетов численности животного мира позволяют отслеживать динамику прироста поголовья животных. Данные о количестве посещения дают возможность прогнозировать рекреационную нагрузку и регулировать ее. За сухими цифрами статистики здесь кроется огромная полевая работа, знания и опыт множества людей, сохраненная природа и все более частая возможность встретить зверя, просто гуляя по парку!

Мы определились, что такое парки и зачем они нужны. В следующий раз рассмотрим подробнее, почему именно в такой форме общество защищает природу нашего края. **УС**

Традиционная мужская культура — явление весьма динамичное и, наверное, потому уязвимое. Сам характер мужских промысловых или ремесленных традиций предполагал доступ к природным ресурсам: водоемам, лесам, недрам. Когда же таковой стал ограничиваться, стала исчезать и традиция. Укрупнение деревень изъяло носителей традиции из их естественной среды, создав предпосылки для нововведений.

Рассмотрим сохранившиеся во второй половине двадцатого века в Приисетье рыболовные традиции. Этот пласт народной культуры, бесспорно, во многом утрачен, и, скорее всего, безвозвратно. К тому же этот промысел, как выяснилось, очень мало изучен. Большинство затрагивавших тему исследователей, как правило, интересовалась экономической стороной — самим промыслом рыбы,

ее переработкой или торговлей этим товаром.

Однако рыболовные традиции, пусть и беднея от поколения к поколению, продолжали существовать. Какое же место занимали они в мироустройстве приисетских поселенцев, большей частью, конечно же, земледельцев?

Изучение любой традиции в отрыве от ее носителей не может дать полной картины, поэтому постараюсь опираться лишь на личные впечатления от общения с рыбаками и участие в ловле.

Мир рыбака в моем родном селе Ковриге был истари окружен ореолом загадочности. Рыбаки вызывали уважение, находясь при этом как бы на некотором социальном удалении от не рыбаков.

Семьи, в которых были так называемые «оправдешные рыбаки»,

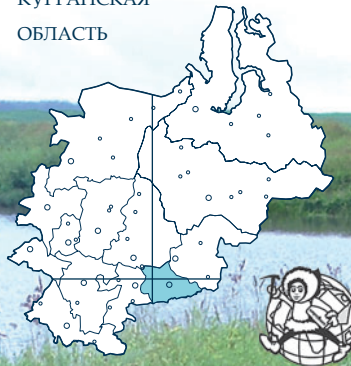
Алексей Мурзин

Окончил естественно-географический факультет Курганского пединститута. Работал учителем географии, директором Шадринского краеведческого музея. Сейчас — в Центре русской народной культуры «Лад». Член Русского географического общества. Автор книг, очерков и рассказов. В 2006 и 2009 гг. печатался в «Уральском следопыте». Дипломант конкурса «Золотое перо Руси» (2005, 2010). Член Союза писателей России. Живет в Шадринске.

«Оправдешные» рыбаки Приисетья

Фото Александра Дежнева

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

«Я езжу по рыбу, а не порыбачить...» — говорили рыбаки, если их спрашивали о том, почему они не ловят удочкой.

никогда не голодали. В голодную пору короткой весны и начала лета рыбак практически всегда обеспечивал пропитание и своей семье, и родственникам. Рыбу можно было обменять или даже продать. По воспоминаниям старожилов, рыболовную продукцию не облагали налогами, так как она не поддавалась учету. Может быть, именно от желания скрыть результаты своего промысла приисетские рыбаки еще долго старались уйти на реку незаметно, а потом так же незаметно вернуться.

Большинство рыболовов совмещали рыболовство с обычными сельскохозяйственными работами и поэтому рыбачили по ночам. Наверное, именно от постоянной нехватки времени в Ковриге лов рыбы удочкой считался делом пустым, и занимались им только дети, дряхлые старики или старухи.

«Я езжу по рыбу, а не порыбачить...» — говорили рыбаки, если их спрашивали о том, почему они не ловят удочкой. Именно на этой почве известны конфликты рыбаков, пытавшихся объяснить инспекторам Рыбнадзора, почему они ловят браконьерскими орудиями.

Таких *оправданных* рыбаков было немного, но они очень редко возвра-

щались без улова. Причем перерывов в ловле практически не было. Ловили в любое время года. Повадки рыбы, ее реакцию на изменение погоды или уровня воды в реке изучали с детства, перенимая от старших и наблюдая, так сказать, в натуре. Чтобы обеспечить как можно более регулярный, постоянный улов, необходимо было иметь множество разных снастей и приспособлений. Некоторые из них лежали на *пятрах* (своеобразный второй этаж сараев и крытых дворов) почти весь год и вытаскивались, только когда приходило время, на одну-две недели. Такое разнообразие снастей и позволяло осуществлять круглогодичный непрерывный лов разными способами.

Снасти готовили сами, чаще зимой и, если не успевали, ранней весной, когда выход на лед уже опасен, а открытой воды еще нет. Это был единственный период, когда рыбак

не ходил по рыбу. Иногда вязание сетей, особенно так называемой *дилли*, поручали пожилым женщинам за натуральную плату, все той же рыбой. Насаживал сети рыбак сам, для этой цели в ворота и постройки напротив них вбивались большие гвозди, между которыми натягивались *тетивы* будущей режовой сети — *режовки*, в Центральной России известной как *мережка*. С помощью специальной иглы диль и два наружных ряда более крупной и грубой сети — *режи* привязывались в соответствии с размером ячеи к тетиве, на которую насаживались чаще берестяные поплавки — *гольки*.

Так же насаживались полотна сети и на другую тетиву, но вместо голеков туда заранее нанизывалось определенное количество грузил, сделанных из кирпичной глины и обожженных. Такие грузила покупали, иногда выменивали или пере-

▲ Керамические грузила
▼ Иглы и дощечки

саживали со старой сети, и, конечно, изготавливали сами. Позднее стали применять свинцовые грузила и даже стальные из втулок от сельхозмашин, но такие грузила старались заменить, от ржавчины портились сети. Автору не известен специальный термин для обозначения грузил, скорее всего, они так и назывались.

Для работы по насадке и починке сетных снастей рыбак надевал специальную одежду без пуговиц, выпутать которые из сети довольно не просто, и это затягивает работу, проходящую на холоде и без рукавиц. Поверх телогрейки надевали специальный халат с пуговицами на спине, с левой стороны в районе ключицы, к халату пришивалась пуговица, за нее, подобно известной в женском рукодельном инвентаре швейке, цеплялась при необходимости сеть, освобождая руки починающего ее рыбака. На свитере, который надевал для этой работы отец автора

Никита Федорович, была пришита пуговица от матросского бушлата, что интересно, в другое время свитера он не носил, т. е. для него это была как бы спецодежда.

Зимой плелись из распаренной лозы попутно с корзинами ловушки — морды, в колхозное время лозу почти повсеместно заменяли доступной тогда алюминиевой проволокой. Морда из такого материала имеет два важнейших преимущества: она не всплывает и не гниет. Название ловушки, как полагают, возникло от ее схожести с головой животного. Морда представляет собой конусообразно вытянутое плетеное сооружение, в основание которого вставлен более короткий конус.

Заниматься починкой и изготовлением снастей в другое время не было ни малейшей возможности. В первой половине XX века еще существовала традиция «уроков», когда дети в семьях рыбаков, до того как

получали разрешение на прогулку и игры, обязаны были навязать определенное количество дощечек — так называлось приспособление, необходимое для вязания сети, определявшее размер ячеи будущей снасти. Мерой детского наказания тоже были те самые дощечки, в том числе и в случае некачественной работы. Таким образом, в семьях рыбаков к обычному рукоделию, которое никто не отменял и там, прибавлялось еще и рыболовное.

По поводу снасти говорили: «Худа снасть, отдохнуть не даст...», в данном случае отдых, конечно, не рассматривался как простое отсутствие деятельности. С плохой снастью для обеспечения того же улова требуется много лишней работы.

Зимой и в начале весны строили новые или смолили и заливали водой старые лодки. Заливали, чтобы устранить небольшую возникшую от рассыхания течь, дерево разбухло, и течь прекращалась.

Лодки спускали на воду после вскрытия Исети. Чаще всего лодки так и зимовали у реки, прикованные цепями к ветлам или даже специально вбитым в берег стальным трубам на таком расстоянии, до которого не доходит полая вода. Практически все коврижские семьи имели у реки нижние овощные огороды, в них чаще всего и зимовали лодки. Лодку прислоняли к изгороди-пряслу, под тот борт, что оказывался на земле, подкладывали толстые поленья или короткие бревна, чтобы исключить контакт борта с грунтом.

Настоящие «рыбацкие» лодки были не у всех. Лодки, изготовленные для простой переправы на пастбище или сенокос, для рыболовных целей чаще всего не годились.

Свою лодку даже и во второй половине XX века рыбаки очень неохотно давали кому-либо, мало знакомым или ненадежным людям не давали вовсе. Рыбацкая лодка ценилась очень высоко. Потеря чужой лодки покрывала рыбака позором и ложилась на его плечи тяжким бременем. Он обязан был либо отыскать потерянную лодку, либо, если поиск не дал результата, приготовить материал для строительства новой лодки и, отложив все дела, помочь пострадавшему рыбаку как можно скорее построить новую лодку взамен потерянной. Давали лодки чаще родственникам, которым при случае напоминали, что пора бы построить свою, когда же молодой рыбак приступал к строительству, безвозмездно помогали ему — так передавалась

традиция. За рыбацкой лодкой следили, она тоже была как бы частью необходимого хозяйственного инвентаря.

Так Никита Федорович часто рассказывал случившуюся с ним в молодости историю, когда у него еще не было своей лодки, и он часто брал лодку родственника-инвалида Агафона Никитича. Утром, вернувшись с реки, он едва успел перед работой перетаскать домой улов, и в восемь часов был уже на работе. В обед пришел Агафон и заявил, что его лодки на берегу нет. Никита Федорович стал уверять, что лодку приковал на обычное место. Но дед продолжал настаивать, что лодки нет. Пошли посмотреть. Лодка была там, где отец ее и оставил. «Эта не моя, у меня была чистая», — заявил Агафон. Пришлось мыть. Так учили молодежь следить за лодкой и снастями. Если учесть, что одна нога Агафона Никитича была самодельным деревянным протезом, можно представить, какого труда ему стоила такая «учеба».

Рыбацкие лодки были уникальны. Материал для строительства заготавливался не один год. Подбирали широкую без сучков сосновую доску для днища, так же без сучков тонкие доски опалубки, завершающей борта. В окрестностях Ковриги не было сосновых боров, поэтому такой материал был особенно ценен. Дуги (шпангоуты) и носы (штевни) делали из специально подобранных кривых березовых комлей, найти подходящие было совсем непросто, чаще всего использовали березы со склонов оврага, изогнутые сползающими снегами. Такие дуги, в отличие от выпиленных из доски, можно было отшлифовать, так как в рыбацкой лодке не должно быть *задев* — торчащих гвоздей и заусениц на деревянных деталях. Сеть из такой лодки легко выскальзывала во время установки, что не только экономило время и силы рыбака, но, при ловле на *стрежи* (в реке на быстром течении), было жизненно необходимо. Затем лодку смолили, а позднее и окрашивали, не жалея краски, чтобы с ее помощью сгладить некоторые небольшие огрехи. Опалубку бортов так же вручную шлифовали шкуркой.

Массово выходили на Исеть до пахоты. Иногда в теплую погоду этот выход превращался в своего рода праздник с общей ухой и выпивкой, позднее он стал приурочиваться к первому или девятому мая.

Рыбу начинали ловить на самодельные сети-резовки. Безлодочные и, как правило, молодые рыбаки выходили

по вечерам с *саком* — специальной весенней снастью, способ лова которой напоминает ловлю сачком, отсюда и название. Ловят обычно нерестящуюся плотву, попадают окуни, резе щука. Ловля таким способом очень трудоемка, по *саковицу* — жерди, на которой закреплялась сетка, во время ее подъема над водой стекает вода, и даже очень осторожный рыбак постепенно оказывается мокрым. Ловить

можно лишь в определенных условиях, и тот, кто их не угадал, мог совершенно впустую проходить до ночи.

В протоки, соединяющие в это время пойменные водоемы, ставились уже упомянутые морды, а в более крупные, пересыхающие летом, русла устанавливали *витили*. Специального описания этих снастей приводить не будем, их уже прекрасно описал Л. П. Сабанеев.

Рыбацкие лодки были уникальны. Материал для строительства заготавливался не один год. Подбирали широкую без сучков сосновую доску для днища, так же без сучков тонкие доски опалубки, завершающей борта.

Ботка — ловля в мелкие резовки с помощью специального устройства ботала (металлического «стакана» конусообразной формы с зафальцованным краем на длинном черене — ботовище) стайной нерестящейся или кормящейся рыбы была широко распространена. Рыбак загораживал сетью залив разлившейся реки и затем выгонял из него рыбу, создавая шум боталом, в перегородившую выход сеть. Если рыбак правильно угадывал момент лова, он за несколько *тонеи* (весь набор операций по выставлению, ботанию, выбору рыбы и сбору сети) наполнял лодку некрупной рыбой — «щепками», как называли такой улов (плотва, елец, подлещики).

Резовки оставались так же в протоках до окончания водополицы. Рыбу из них вынимали дважды — утром перед рассветом и вечером на закате. «Кто рано встает — того и рыба любит», — часто повторяли рыбаки, недосыпая.

После посевной и посадки огородных культур наступал летний сезон лова. В это время продуктивным способом являлось *обатывание* берегов — резовка со средним размером ячеи ставится под углом к берегу. Все операции по ее установке требуют максимальной осторожности, иначе напуганная рыба уйдет или затаится. Выставив сеть, а иногда и две, вначале более крупную, а через несколько метров мелкую, рыбак спускался чуть ниже по течению и, пугая рыбу боталом, начинал подгребать против течения к сети. Две сети позволяли ловить более эффективно. Резовка с крупной дилью пропускала мелкую рыбу дальше, задерживая ту, которая не могла бы попасть в выставленную далее сеть с мелкой ячеей, но более мелкая рыба оставалась именно во второй сети. Так, раз за разом, рыбак мог ботать до утра, уплывая за многие километры вверх по течению реки. «Рыбака тонь кормит», — такую поговорку повторял рыбак, возвращаясь под утро к заждавшимся домочадцам.

◀ Наконечник ботала — стакан

Щепки ▼

Вылет поденки — мятлика — был сигналом к ловле леща еще одним оригинальным способом и все той же режовкой, только теперь уже с крупной ячеей.

Участников такой ловли должно быть не менее трех. С помощью лодки сеть протягивается от берега к берегу, при этом перевозится на противоположный берег и один из участников ловли. За привязанные к концам сети кольца с грузилом на конце крепятся длинные веревки. Течение подхватывает сеть и несет ее, а рыбаки, регулируя натяжение сети с помощью привязанных к кольям веревок, идут по берегам следом. Сеть плывет сама, поэтому такой способ лова называли *плавить*. Иногда, чтобы сеть не всплывала от сильного течения на поверхность, к нижней тегиве прицепляли дополнительные грузы в виде колец, выполненных из толстой стальной проволоки или даже прутка.

Скорость такого движения вполне сравнима с быстрым шагом. На некоторых участках даже приходилось бежать бегом, на других почти останавливаться, чтобы перебраться через топь. В таких случаях веревку слегка отпускали, иначе можно было просто упасть. Идущие по берегу следили, чтобы сеть не нанесло на отмели или чтобы она не отходила слишком далеко от берега, старались пускать ее перпендикулярно берегам, поперек реки. Удерживать сеть или направить ее против течения было практически невозможно, удавалось лишь невероятными усилиями немного замедлить движение сети, в случае, если ее наносило на *задеву* — затопленный куст, сваю и т. п.

Рыбак, оставшийся в лодке, держась за верхнюю тегиву, старался определить, куда попала рыба, и как можно скорее выпутать ее, пока она не намотала на себя кошель (вытянутую сквозь ячейку режы часть дили, в которой запутывается попавшая рыба). Если сеть наносило на *задеву*, именно он руководил снятием сети. Иногда снять сеть не удавалось, ее концы отрезали, потом их просушивали, а зимой навязывали до требуемой длины, но на текущий сезон сеть была уже потеряна.

Задевы вытаскивали из реки общими усилиями — это была общая беда — раньше лошадьми, а во второй половине XX века и трактором. Кто-либо из молодых рыбаков зацеплял длинную крепкую веревку за предмет, лежащий в иле под водой и цепляющий сети, затем этот предмет вытягивали на берег.

Проход в три-четыре километра с такой сетью был очень быстрым и мог принести от десяти до сотни крупных лещей, одного-трех язей, несколько щук. Занимал он около пяти часов. За это время рыбаки успевали подняться вверх по течению, разобрать и уложить сеть, растянуть ее — это были самые трудоемкие операции, сам же лов, если он проходил без задев, воспринимался как награда за труд.

Принесенную рыбу нужно было почистить и выпотрошить сразу, в теплую ночь до утра она могла уже испортиться, затем ее заливали холодной водой в тазу или пересыпали солью.

С началом сенокоса самоловные сети снимали. «Прошел июнь — на рыбалку плюнь». Однако всегда оставалась часть рыбаков, чаще это были еще крепкие старики, не прекращавшие лов и в сенокосное время, и опять по ночам.

В жару, если выдавалось свободное время, молодежь, как бы развлекаясь, ловила под берегами налимов и раков. Ловили также и *неводом* — бреднем. Эти способы большинством рыбаков воспринимались как несерьезная забава. При этом собственные невода (бредни) были у очень многих. Насадить правильно невод получалось далеко не у всех, наверное, преемственность этой традиции во второй половине XX века была уже прервана. Популярностью пользовались лишь некоторые уловные невода. Старые рыбаки охотно давали их молодым, так как сами они, как правило, в воде не бродили.

В августе, когда ночи еще теплые, но уже довольно продолжительные, вновь начинали обатывать берега, а в старицы выставлять на самолов

режовки. В старицах в это время попадала рыба, большая часть которой могла погибнуть от зимних заморозов: карась, линь, лещ, язь, щука, плотва. Лодку нужно было перетаскивать из одного водоема в другой, что требовало немалой физической силы и отнимало драгоценное время убывающего дня.

В первой половине XX века и, видимо, раньше рыбаки оставляли лодки во многих продуктивных водоемах, как говорили, «жить». Утрату традиции породило воровство, начавшееся с приезжих чужаков, когда стало нарушаться правило «где взял, туда и положи». Лодки портили, сжигали, увозили на другие водоемы и бросали там. Борьбу с подобными проявлениями варяжской удали для рыбака-крестьянина, ловящего ночами, а днем занятого на полевых или иных колхозных работах, даже и в летние календарные выходные, не было никакой возможности. Постепенно лодок в пойменных старицах не осталось, а отношение к чужакам на реке становилось все более враждебным. «Из-за них и ночевать приходится», — оправдывались многие рыбаки. И действительно: оставленные на ночь самоловные сети в случае, если где-то замечены приезжие, чаще всего городские рыболовы, нужно было караулить и в отношении улова, и как саму снасть.

Даже на время уборки полевых и огородных культур ловля рыбы не прекращалась полностью. «Вся ночь моя», — говорил рыбак, уходя в сумерках на реку. Лукавые хозяйки, уговаривая его не ходить, повторяли: «Рыба не хлеб, сыт не будешь». Помня, конечно, что именно рыба помог-

Дополнительные грузы ▼

▲ Крюк-кошка

ла пережить весну и скрашивала рацион летом, что она нужна будет и для праздничного пирога, и для свадебной ухи, и к поминальному столу, да и так порадовать домочадцев переменной. Возвращались рыбаки глухой ночью или под утро, и, конечно, с рыбой, обязательно оправдываясь: «Всю не выловишь».

Осенью, как и весной, во время обычного осеннего паводка, когда после дождей и при медленном испарении в реках поднимался уровень воды, выходили лучить рыбу. В такой ловле необходима была острога. Свою острогу берегли, как и всякую иную снасть. Ее редко изготавливали самостоятельно, чаще заказывали кузнецу. В середине XX века для лучения стали применять электрические светильники, например, фару от какой-либо машины, в качестве источника тока использовали установленный в лодку аккумулятор.

К зиме окончательно убирала летние самолосы.

По первому льду, достав специально подготовленную грубоватую, но очень функциональную, вырубленную из березового стволика с корневым наростом, дубину, шли глушить рыбу. Так добывали, прежде всего, щуку — самую не стойкую против такого орудия рыбу, попадались, конечно, и другие речные обитатели. Глушением занимались, в основном, более молодые рыболовы, но всегда под руководством старших. Идти на тонкий лед в одиночку считалось верхом безрассудства, обязательно кто-то должен был подстраховывать.

В декабре на льду стариц уже долбили отдушины, помогая рыбе избежать заморозов. На реках, когда окончательно затягивались полыньи, даже на стрежи норили резовки уже как зимние самолосы. Норить — от слова «нора». У берегов выдалбливались две большие проруби. Лед долбили пешней — специально выкованной стальной пикой, подобием лома, но с тяжелым и острым наконечником (чаще всего ее и делали из лома), на другом конце приваривали большую гайку, в нее продевали веревку, чтобы, в случае если пешня сорвалась в прорубь, ее можно было вытащить. Для вычерпывания кусков льда применяли большую совковую лопату с просверленными в ней отверстиями для слива воды, в черенке тоже было

отверстие, куда продевалась веревка. Иногда вместо лопаты применялся большой сачок из стальной сетки, наваренной на обруч из стального же прутка.

Между этими двумя прорубями по прямой через 1–1,5 метра долбили лунки. С помощью длинного шеста-жерди и ивового крюка через лунки пропускали от проруби к проруби длинную веревку. Затем к этой веревке привязывали сеть и протягивали ее подо льдом от берега к берегу. Концы сети привязывали к толстым колям, втыкая которые в донный ил, фиксировали сеть поперек реки. Веревки от верхушек кольев привязывались к кустам на берегу.

Раз в сутки или двои проруби отдалбливали и вытягивали сеть наружу. Выбрав рыбу, сеть затягивали обратно под лед. Для этого за оба кола привязывали по длинной веревке, большей по длине, чем ширина реки (не менее 50 метров каждая).

Веревки нужны были для многих рыболовных операций, их вили сами, часто в складчину, несколько рыбаков. Станок для витья веревок был общим, один на всю деревню, в XXI веке таких станков уже практически не осталось, кто-то, конечно же, не рыбаки, все их сдал в металлолом. А в середине XX века свивали сначала тонкие веревки из капроновых волокон, применяемых для упаковывания. Такие же волокна используются и сейчас для связывания санных тюков. Затем из тонких веревок вили более толстые. Вили, как правило, осенью, после полевых работ и пока не очень холодно. Чтобы капроновые веревки не скручивались, их нужно было растянуть, для этого призывали мальчишек. Веревки привязывали к велосипедам и так катались по степи. Раньше это делали на лошадах.

Зимой мороженой рыбы, не требующей специальных мер по сохранности, заготавливали очень много. Крупную, по словам старожиллов, складывали как поленицы, мелкую пересыпали снегом и хранили в специальных ларях. Рыбу использовали сами, продавали и обменивали. Если до весны зимнюю рыбу не успевали потратить, ее использовали на откорм свиньям и домашней птице.

До революции в Шадринске существовали и рыбные лавки, и магазины, куда везли и мороженую, и даже живую рыбу. В тридцатые годы рыбу принимал рыб-

ный завод, где ее вялили и коптили. Во второй половине XX века официальной торговли местной рыбой в Шадринске не существовало, но ее можно было сдать в сеть магазинов «Коопторга». Сейчас рыбу продают на рынке с лотков.

Именно вторая половина XX века стала переломной в передаче преемственности рыболовных традиций. Много молодежи покидало родные села, унося с собой и прививавшиеся им традиции. Появление личного мото- и автотранспорта, увеличив мобильность рыбаков, уничтожило понятия «наша река» и «наше озеро», к которым у старых рыбаков всегда отношение было трепетное, ревностное и даже мистическое. В «свою» реку не бросали палки, их при случае вылавливали, убирали с берегов, ведь это все — потенциальные задевцы. В нее так же не бросали бутылки, консервные банки и прочий мусор, ведь с бреднем бродили, как правило, босиком. Немыслимо было даже представить, чтобы рыбак вывез на берег реки навоз или другой дворовый «мусор». Возможно, отголоском языческого поклонения водной стихии существовал негласный запрет мочиться в воду рыбного водоема.

Даже во второй половине XX века многие оправдешные рыбаки не терпели шумных компаний с распитием спиртного во время ловли. Это допускатось лишь у костра, под традиционную рыбацкую уху, с дымком. Старые рыбаки также утверждали, что обычай таких посиделок зародился именно в результате вынужденного ночного бдения, когда на реке стали

появляться заезжие рыбаковы, после которых пропадают и лодки, и сеги.

А как же экологическое воздействие на рыбные популяции и биосенос водоемов? Становится ли следование традиции причиной сокращения биологического разнообразия в зауральских реках и, прежде всего, в самой Исети? Вопрос, конечно, не простой и требующий опять же специального исследования. Если сослаться на мнение Л.П. Сабанеева, то получается, что столь эффективный лов вовсе не мешает воспроизводству рыбьего поголовья, а даже стимулирует его, высвобождая жизненное пространство для новых поколений, а лов во время нереста часто просто спасает икру и молодь от уничтожения выметавшей ее рыбой. Утверждение, конечно, не бесспорное, но и не безосновательное...

По мнению рыбаков, строгие меры по ограничению использования традиционных орудий лова не имели никакого практического значения, главной их целью было именно отлучение крестьян от реки, уничтожение рыболовства как вида хозяйственной деятельности, помогавшего сельскому населению продолжать чувствовать себя хозяевами собственной жизни, отвлекавшего его от производительного труда на благо Родины.

А рыба при этом неоднократно гибла в немислимых массовых количествах в результате вовсе не ее вылова, а вследствие неких, всегда загадочных, выбросов и утечек на предприятиях Каменска-

Уральского или Екатеринбургa. Такие массовые заморы молодежи и крупной рыбы происходили достаточно регулярно. Иногда, в конце восьмидесятих годов, почти ежегодно, и даже не по одному разу за лето, речные берега становились местом шумного пиршества речных птиц собиравших на дармовшинку умирающую рыбу, на берег ползли и раки.

Поэтому говорить о традиционных способах лова и, как следствие, традиционном отношении к реке как о причинах обеднения рыбных ресурсов, наверное, не следует. Лов подобными способами продолжался на Исети, по меньшей мере, со времени освоения ее монахами Далматовского Святоуспенского монастыря, основанного старцем Далматом в 1644 г. При этом численность популяций ценных пород оставалась достаточной даже и к середине XX века, когда и количество рыбаков, как утверждали старожилы, значительно уменьшилось, по сравнению, например, с началом того же века.

Надо полагать, что рыболовная традиция в Приисетье не исчезнет совсем, ее элементы и до сих пор существуют в тех селах, где остались потомки оправдешных рыбаков. Стремление занять свободную экономическую нишу вновь толкает лишившихся других средств существования бывших колхозников к освоению и использованию естественного и практически всегда востребованного ресурса реки.

Что привнесет и что уничтожит в этой мужской традиции XXI век, покажет время. **УС**

▲ Кадр из фильма «Сильва». Слева направо: Ферри (Г. Кугушев), Элвин (Н. Даутов), Сильва (З. Смирнова-Немирович)

Наша «Королева чардаша»

Иллюстрации из фонда Музея Свердловской киностудии

Волею судьбы первенцем молодой Свердловской киностудии стала экранизация классической оперетты венгерского композитора Имре Кальмана «Королева гардоима». Фильм назывался «Сильва» и снимался в трудных тыловых условиях военного времени. Производством он был закончен в декабре 1944 года. Режиссером-постановщиком фильма выступил Александр Ивановский, известный публике по таким картинам, как «Музыкальная история», «Антон Иванович сердится», «Укротительница тигров». В первом нашем фильме снимались Зоя Смирнова-Немирович, Нияз Даутов, Сергей Мартинсон, Георгий Кугушев, Сергей Дыбго...

Весной 1945 года картину увидели бойцы и офицеры Красной Армии, сражавшейся уже на территории европейских стран. Мажорные, жизнеутверждающие мелодии Кальмана были как бы предвестником победы.

По моим сведениям, наш фильм «Сильва» — это вообще первая экранизация знаменитой оперетты в мировом кинематографе. И будет небезынтересно узнать мнение об этом первенце соотечественницы Имре Кальмана киноведа Анны Герерб. Ее письмо, полученное в апреле 2004 года, хранится в фондах Музея Свердловской киностудии и публикуется впервые.

Вечно буду благодарна судьбе, которая подарила мне счастье: 25 лет заниматься русскими-советскими фильмами в Венгерском Национальном Киноархиве. Одним из первых сюрпризов стало открытие русско-венгерских взаимосвязей: множество русских фильмов демонстрировалось у нас еще до революции и во времена двух мировых войн. И наоборот: какие следы венгерской культуры

можно обнаружить в русских кинокартинах.

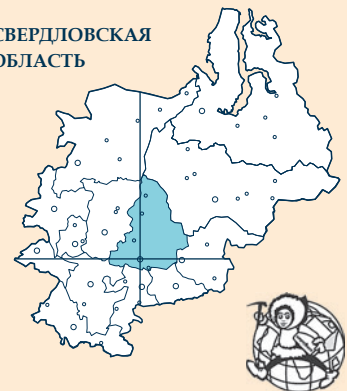
Когда я впервые увидела великолепный фильм Виктора Эйсымонта «Жила-была девочка», рассказывающий историю двух маленьких блокадниц, перенесших наравне со взрослыми тяготы войны, не поверила своим глазам: на фотографии, которую пристально разглядывает маленькая героиня фильма, девочка-сирота, изобра-

Лев Эглит

В 1966-м окончил киноведческий факультет ВГИКа, работал на Ростовской-на-Дону студии кинохроники. С 1970 года — на Свердловской киностудии, редактор объединения научно-популярных фильмов. Один из зачинателей, ныне заведующий музея Свердловской киностудии.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

жена ее мать, примадонна оперетты, в роли Сильвы из «Королевы чардаша»! А как самозабвенно девочка, подражая матери, напевает на развалинах знаменитую арию «Частичка черта в нас...» И все это в 1944-м! Невероятно: произведение самого популярного композитора Венгрии — страны-противника! Той страны, по вине которой отчасти и руины, и трагедии людских судеб. Фильм отражает это с документальной точностью и по-человечески гуманно.

Само собой разумеется, что я сразу же начала поиски советских фильмов, в которых звучат венгерские мелодии. И таких фильмов оказалось немало. Но я даже не могла мечтать, что наткнусь на целую экранизацию оперетты, причем относящуюся к бурному 1944-му году, когда мы были двумя противоборствующими сторонами.

Что же это за фильм? Как звучали любимые опереточные шлягеры порусски и в советской интерпретации? Поскольку фильм Александра Ивановского «Сильва», снятый в 1944 году на Свердловской киностудии, демонстрировался в Венгрии уже после ее освобождения, в нашем архиве я нашла довольно поврежденную и ветхую копию с венгерскими субтитрами. Но именно тогда меня ожидало настоящее открытие: эта экранизация была намного лучше всех виденных мною венгерских и невенгерских (главным образом, австрийских и американских) работ, более того, даже театральных постановок. (Исключением, пожалуй, был легендарный спектакль, с которым Венгерский государственный театр оперетты с огромным успехом гастролировал в Советском Союзе где-то в начале 50-х годов. Но об этом мы можем только вспоминать.)

Во-первых, сразу же обращает на себя внимание цельность фильма Ивановского: в нем нет ничего, нарушающего стиль, нет намека на актуальность, политическую тенденциозность, обострение классово-борьбы. Оперетта осталась такой, какой должна быть, сохранив все самое лучшее — от начала и до конца.

Во-вторых, чрезвычайно высок профессиональный уровень исполнителей, и в первую очередь, музыкальный. Особенно выделяется примадонна Зоя Смирнова-Немирович: у нас в Венгрии голоса с такой школой и техникой обычно не опускаются до оперетты, что негативно сказывается на уровне наших опереточных спектаклей. Смирнова-Немирович к тому же красива, грациозна и как нельзя лучше соответствует этой роли.

▲ А.В. Ивановский (1881–1968), кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии

▲ З.А. Смирнова-Немирович (1909–1986), Заслуженная артистка РСФСР

В-третьих, блестящей является игра выдающегося и непревзойденного комического актера Сергея Мартинсона. Яркое исполнение им некоторых комических трюков поистине великолепно (достаточно вспомнить знаменитый эпизод: во все возрастающем темпе спотыкающийся Мартинсон вокруг вращающегося стула).

Только одно огорчает: в этом киноварианте отсутствует несколько популярных шлягеров. Хотя с удовольствием послушала бы, как звучит по-русски «Хоймаши Петер, хоймаши Пал...».

Настолько была рада этому фильму, что некачественную, много раз склеенную копию несколько раз

включала в программу Венгерского института кино, несмотря на то, что частые звуковые погрешности и мигание кадра портили впечатление от фильма и мешали наслаждению.

В 2004–2005-м годах между Россией и Венгрией будут проходить насыщенные культурные программы. В рамках культурных программ мы с удовольствием посмотрели бы снова и советскую «Королеву чардаша» Александра Ивановского, но уже качественную, полноценную копию. **УС**

▼ Кадр из фильма «Сильва» (слева направо: Бони (С. Мартинсон), Сильва (З. Смирнова-Немирович))

▲ Участники 1-го состава «Уральского струнного квартета им. Н.Я. Мясковского», заслуженные артисты РСФСР (слева направо): Лев Мирчин (1-я скрипка, доцент), Лев Тышков (2-я скрипка, старший преподаватель), Герц Цомык (виолончелист, доцент) и Георгий Теря (партия альта, профессор, зав. кафедрой). Свердловск, 1981. Из личного архива Михаила Тышкова

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Огонь, вода и медные трубы скрипача Тышкова (Хроника)

Иллюстрации предоставлены автором

Исполнилось 50 лет Уральскому струнному квартету им. Н.Я. Мясковского (квартет состоял из преподавателей кафедры струнных инструментов Уральской государственной консерватории) и 20 лет Свердловской областной ассоциации жертв политических репрессий. В этой связи хочется восстановить уникальную судьбу одного из участников квартета — Льва Тышкова.

Эрнст Кобелев

Эрнст Александрович Кобелев родился в 1936 г. Свердловске, а в 1937-м в Перми был репрессирован его отец А. Н. Кобелев, секретарь Пермского горкома ВЛКСМ. 13 января 1938 г. был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58, чч. 8,9 и 11 УК РСФСР и в тот же день расстрелян в Свердловске. Э. А. Кобелев до выхода на пенсию работал в НПО «Автоматика». Несколько десятилетий он собирает, исследует и систематизирует материалы о репрессиях в СССР и Свердловской области, восстанавливает биографии соратников его отца, а также видных советских военачальников. В нашем журнале публикуется впервые.

Знаменитый квартет

В репертуаре квартета, выступавшего не только в г. Свердловске, но и с гастрольями в Прибалтике, на Дальнем Востоке, на Сахалине, в Хабаровском крае, на Камчатке, в Биробиджане, в Магадане, на Колыме, а также в Западной Европе, были произведения западно-европейских и русских классиков: Гайдна, Бетховена, Чайковского, Мясковского, Шостаковича. На особом месте стояли сочинения уральских композиторов. Многие писали специально для квартета: Н. Хлопков, К. Кацман. Исполнялась и музыка Б. Гибалина. Успехом пользовался написанный А. Фридлендером квартет по произведениям Д. Шостаковича.

С квартетом выступал известный музыкант-альтист Г. Талалян. Секстет Чайковского «Воспоминания о Флоренции» был записан на телевидении. По ходатайству сразу трех творческих организаций — Свердловской областной филармонии, Уральской консерватории и Уральского отделения Союза композиторов РСФСР — квартету было присвоено имя выдающегося музыкального деятеля Н. Я. Мясковского.

Детство и юность

Лев Самуилович Тышков родился в январе 1917 года в г. Харбине (провинция Маньчжурия, Китай) в семье репатрианта, провизора и владельца аптеки. Окончил коммерческое училище. Музыка учился у педагога В. Трахтенберга и в музыкальной школе, а исполнительскому мастерству — на индивидуальных занятиях у скрипача и альтиста И. Э. Кенига и профессора Н. А. Шиферבלата, солиста и концертмейстера симфонического оркестра так называемого «Железнодорожного собрания» — русского центра культуры и искусства Китайско-восточной железной дороги. Николай Александрович переехал в Японию по приглашению и работал по контракту главным дирижером первого муниципального симфонического оркестра в Токио.

Обычно Лева играл на скрипке в своей комнате, а Николай Александрович внимательно слушал, сидя на кресле в другой. В случае ошибки он истошно кричал, топал ногами, и случалось, что драл ученика за уши. В 15 лет, будучи скрипачом-солистом, юноша исполнял произведения Чайковского, Паганини, Глазунова, Мендельсона с симфоническим оркестром владельца виконта Хидемаро Коноэ или с приезжими гастролерами в огромном токийском

зале «Хибия Коккайдо». Шиферблат готовил своего ученика на должность концертмейстера этого оркестра. Совместно с пианисткой Мивой Кай Тышков с успехом гастролировал по городам Японии, Китая и Кореи.

Репатриация в СССР

По приглашению посла СССР в Японии К. Юренева в мае 1936 года Л. Тышков получил советское гражданство, переехал на постоянное жительство в Москву и был принят на 1-й курс Московской государственной консерватории в класс замечательного скрипача проф. Абрама Ильича Ямпольского. Он успешно сдавал экзамены и зачеты, выступал на академических вечерах, которые утвердили его как одного из самых талантливых и перспективных студентов.

Но однажды, будучи на 2-м курсе, он допустил «оплошность», стившую ему несвободы: в сентябре 1937 года по приглашению сотрудников японского посольства и Мивы Кай, оказавшейся в Москве проездом из Варшавы, в заказанной ими ложе в Большом зале МГК прослушал концерт Эмиля Гилельса, удостоенного 2-й премии на Международном

конкурсе пианистов в Вене. Присутствие студента в ложе с японскими дипломатами было зафиксировано сотрудниками НКВД СССР. При выходе из здания их сфотографировали, и на другой же день Тышков уже давал объяснения Генриху Густавовичу Нейгаузу, ректору консерватории. Как оказалось позже, студент Тышков уже был взят в разработку оперативными сотрудниками 3 отдела Управления госбезопасности по г. Москве и Московской области НКВД СССР. Он не мог знать того, что секретарь ЦК ВКП (б) И. Сталин подписал строгое секретное постановление, утверждавшее проект оперативного приказа «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», подготовленный по его указанию. В разделе 2 «О мерах наказания репрессуемым и количестве подлежащих репрессии» этого совершенно секретного приказа значились «разрядки» для каждой республики, края, области и в целом по СССР: по количеству лиц, подлежавших аресту по 1 категории (т. е. для последнего расстрела), и по 2 категории (т. е. подлежавших отправке в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря).

Всесоюзный Трибунал НКВД
Президиум № 10
от 22.02.1938

Секретно

Выписка из протокола № 18
Особого Сопещения при НКВД
СССР

от 22 февраля 1938 года

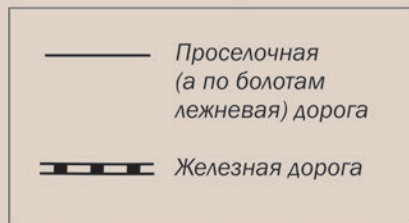
№ №	Слушали:	Постановили:
75.	Дело № 6938 УНКВД Московской области о Тышкове Лье Самойловиче, 1917 года рождения.	Тышкова Льва Самойловича за к-р деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считать срок со дня ареста. Дело сдать в архив.

ВЕРНО: ПОМ. ОПЕРУПОЛНОМОЧ. 6 ОТД. УЧЕТНО-АРХИВНОГО ОТДЕЛА
КГБ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР-ст. лейтенант

3 августа 1955 года
к арх. след. делу № 740546.

Сумман/

Фрагмент схемы дорог между городом Надеждинск (с 1939 г. Серов) и селом Ивдель, а также рядом населенных пунктов на территории Свердловской области РСФСР в 1939 г. Справа от названий ж. д. ст. в скобках указаны годы сдачи их в эксплуатацию ▶

В частности, по Московской области по 1 категории предписывалось арестовать 5000 человек, по 2-й — 30000, а по Свердловской соответственно — 4 и 6 тысяч человек.

Арест

1 декабря 1937 года в коридоре учебного здания МК перед началом занятий студент Тышков на глазах других студентов был арестован. В постановлении, предъявленном ему в помещении спецотдела консерватории, значилось, что он «... был завербован иностранной разведкой и направлен на территорию СССР со шпионским заданием».

Под конвоем его доставили в здание Лубянской тюрьмы в камеру площадью 20 кв. м с выбитыми зарешеченными окнами. Здесь в холоде и вони уже стояло более 100 человек. Через несколько часов ожидания, собственноручного заполнения анкеты арестованного и оформления первого протокола допроса глубокой ночью на «воронке-тюрьмоходе» его перевезли в Таганскую тюрьму. Здесь он прошел положенные процедуры: сдачу одежды, переодевание в тюремный балахон, стрижку, повторный обыск и написание на кисти правой руки тюремного номера 6938, ставшего также и номером его следственного дела. Во время следствия, как и другие арестованные, подвергался избиениям и психологическому давлению, чтобы подписал «состряпанные» показания.

Тюрьма

Жизнь в тюрьме началась с одиночки. Привыкнув к темноте, он увидел худого и изможденного человека, прикованного цепью к стене. Тот стоял, ворочался с боку на бок на цементном полу, что-то бормоча.

На другой день Тышкова перевели в камеру на втором этаже, где на 12 кв. м располагалось 11 человек, 10 из которых были политзаключенными. Место новичка — у параши. Его знакомство с сокамерниками началось с рассказа о ночи, проведенной накануне. Хотя контингент постоянно менялся, некоторых он запомнил. Один из них — полковник-

летчик, переведенный из Лефортовской тюрьмы, был с окровавленными пальцами: ему во время пыток под ногти вкалывали иголки. Однако следователи так и не смогли добиться от него подписания протокола допроса с ложными обвинениями. Такие, как правило, приговаривались к расстрелу.

В конце февраля Тышков был вызван на допрос. Из камеры уходил, напичканный множеством советов: «Не давай себя сильно уродовать», «Защищай легкие и почки», «Не сопротивляйся и подписывай все, чтобы спасти жизнь и вырваться из тюрьмы,

**«Защищай легкие и почки»,
«Не сопротивляйся и подписывай
все, чтобы спасти жизнь и вырваться
из тюрьмы, не потеряв здоровья». Люди
в камерах старались помочь друг другу.**

не потеряв здоровья». Люди в камерах старались помочь друг другу.

Вот что пишет ТЫШКОВ в своих «Воспоминаниях музыканта» (Екат., 1992):

«... Кабинет следователя. Письменный стол, в глаза светит яркая настольная лампа, и вдруг... несусветный трехэтажный мат и крик: «Японская сволоочь!». Следователь еврей Сумман с одним глазом (второй закрыт черной повязкой) поднимается из-за стола, снимает ремень и бьет пряжкой по лицу... Я говорю следователю: «Пишите, что хотите». — «Ну вот, так будет лучше». После очередной порции ругани и мата он садится и пишет: «За связь с международной буржуазией, передачу информации о настроениях студентов консерватории в письмах к родителям, за передачу японскому лицу сведений секретного характера. Что и удостоверяю». И снова мат. «Садись и читай дальше». Читаю: «Признаю себя виновным в контрреволюционной деятельности. Занимался сбором информации от студентов консерватории, передавал сведения за границу родителям, встречался с японским агентом с целью передачи ей сведений того же характера». Слышу как во сне: «Подписывай и убирайся, пока кости целы». Мысль: «Неужели так легко отделался?». Как будто на расстрел не тянет. Дрожащей рукой беру ручку, строчки бегут перед глазами. Потом уже сообразил, что глаза залиты кровью. Очевидно, пряжка ремня рассекла бровь. С трудом разобрал слова, подписал. Следователь нажимает кнопку звонка под столом. Открывается дверь позади меня: «Заберите этого сосунка!». Меня уводят. Слышу: «Заключенный, лицом к стене!». Мимо меня ведут молодую женщину в вечернем туалете.

В моей камере никто не спит. Шепот с нар: «Ну как, подписал?», «Сволоочи, они разбили или выдавили тебе глаз!» Для перевязки откуда-то подают куски простыни, суют сахар...».

В обвинительном заключении, составленном следователем Дмитриевым, по следственному делу №6938 написано: «В 3 отдел УГБ УНКВД МО поступили сведения о том, что ТЫШКОВ Л.С. занимается шпионской деятельностью».

Произведенным расследованием установлено, что ТЫШКОВ Лев Самойлович в 1936 году перед отъездом из Харбина (д.б. написано «... из Токио...») в Сов.Союз был завербован для шпионской деятельности профессором ШИФЕРБЛАТ.

▲ Лев Тышков. 1955 г.

Выполняя задания ШИФЕРБЛАТ, поступил в учебное заведение и позанимался со студентами, остальные задания выполнить не успел, вследствие ареста /л.д.10,11,12/.

Допрошенный по делу ТЫШКОВ Л.С. виновным себя признал...

На основании изложенного след. дело №6938 по обв. ТЫШКОВА Льва Самойловича передать на рассмотрение особой судебной инстанции, согласно приказу НКВД СССР №00963 от 20/ХП-37 г.

СПРАВКА: обвиняемый ТЫШКОВ Л.С. с 1/ХП-37 г. содержится в Таганской тюрьме под стражей...».

В 1937 году существовала в основном заочная система вынесения приговора осужденному по ст. 58 УК РСФСР. В выписке с грифом «Сов. секретно» было написано: «... Постановили: ТЫШКОВА Льва Самойловича за к-р деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считая срок со дня ареста. Дело сдать в архив...».

В последних числах июня 1938 года ТЫШКОВА вызвали с вещами и перевели в большую камеру, где размещалось больше ста человек: русские, грузины, азербайджанцы, иранцы и даже турки. Всех обитателей камеры готовили к этапу.

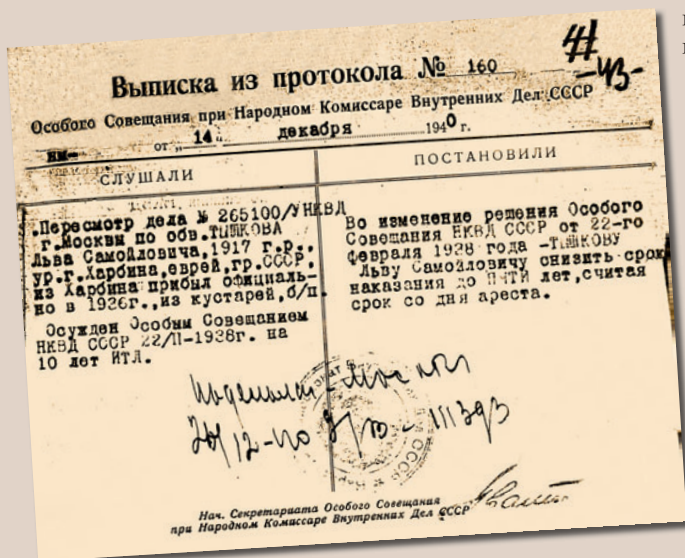
Этап

Наступил день отправки. Построив в колонну по пять, их под

охраной со служебными собаками повели по железнодорожным путям к месту погрузки в эшелон. В начале колонны шли женщины, старики и обессиленные мужчины. Местные жители бросали кто что мог: хлеб, картошку, пироги. Конвоиры с собаками отгоняли причитавших старушек и людей, выкрикивавших слова сочувствия. Разместили в обычных с виду пассажирских плацкартных вагонах, но с замаскированными еловыми ветками решетки на окнах — по 100 человек вместо положенных 60, используя даже багажные полки. Началась долгая, тяжкая дорога. Все были обессилены от духоты и от голода. Каждый думал: «Господи! Упаси меня от урановых рудников Норильска, от торфяных болот Мордовии, от мокрых шахт и заснеженных приисков Кольмы!».

Через трое суток эшелон добрался до Свердловска и на военных грузовиках всех привезли к стенам пересыльной тюрьмы (ул. Репина, д. 2 «б»).

И тут Л. Тышкова ожидал сюрприз: когда перед ним открылась дверь камеры, первый, кого он увидел, был его двоюродный брат Нана Шварцбург! Это был пианист, поэт, рассказчик-импровизатор, красавец с копной черных волос, бровями вразлет, тонкими и правильными чер-

тами лица. Двое суток они не отходили друг от друга, валяясь на цементном полу среди сотни других заключенных. Дальше их пути разошлись: Тышкова отправили в Ивдельлаг, а Нану — в дальневосточные лагеря, на Колыму. Их следующая встреча состоялась в квартире Тышкова в Свердловске лишь в 1950-е годы, когда Нана стал художественным руководителем Красноярской краевой филармонии, пианистом-солистом, аккомпаниатором, лектором, журналистом и даже членом Союза журналистов СССР...

Этап, с которым ехал Л. Тышков, довели до конечной железнодорожной станции Сама и после ночи отдыха отправили пешком под конвоем в 70-километровый путь по лежневой дороге до пересыльного исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) в пос. Ивдель (ныне это «Исправительная колония №55» ГУФСИН России по Свердловской области, дислоцированная в г. Ивделе Свердловской области).

Лагерь

Работал землекопом на строительстве шоссе на дороге. Вместо скрипки и смычка его орудиями труда стали кирка, лопата, лом и тачка. От непосильного труда, холода и постоянного голода ослабел, заболел цингой и начал слепнуть. В ноябре 1938-го с группой заключенных отправлен в отдельный лагерьный пункт (ОЛП) «Юртице», в 20 км западнее Ивделя. Здесь в лютый мороз работал на лесоповале и строил бараки для заключенных, ночуя в т.н. «утепленных» палатках. Из-за слабости и голода не мог выполнить норму, за что неоднократно наказывался и получал уменьшенную «пайку». Среди заключенных имел прозвище «скрипач»

придурак», т.к. непонятно для окружающих занимался самогипнозом, проигрывая в памяти музыкальные произведения, чтобы не сойти с ума. Трижды был наказан: в сильные морозы запирался на 20 суток в карцер — деревянную будку с бетонным полом, откуда его в бессознательном состоянии и с обмороженными ногами вытаскивали и от-

паивали другие заключенные. Начальница культурно-воспитательной части (сокращенно «КВЧ») лагеря решила использовать его по специальности, для чего перевела на престижную лагерную должность кухонного рабочего: по ночам чистил картошку, носил воду и дрова, а днем топил печь, мыл варочные котлы, выносил помой.

В это время он получил от разскавшего его отца фантастическую посылку: великолепный японский костюм, модельные туфли, шелковую рубашку, носки и носовые платки. Чемодан с этой посылкой он отнес для хранения в швейную мастерскую к знакомой 17-летней беженке из Польши Гите Зоммер, за что получил 20 суток карцера, а спустя короткое время был отправлен на работы по заготовке торфа за пятнадцать километров от Юртища.

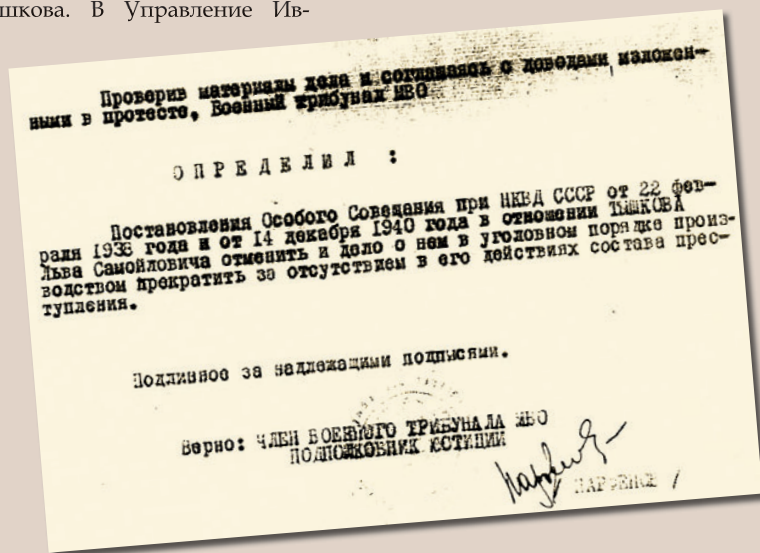
Досрочное «освобождение»

Незадолго до начала Великой Отечественной войны случилось событие, повлиявшее на весь ход жизни Л. Тышкова. В Управление Ив-

дельлага поступила Выписка из протокола №160 от 14.12.1940 г. Особого совещания при НКВД СССР, где было написано: «... ПОСТАНОВИЛИ: «Во изменение решения Особого Совещания НКВД СССР от 22-го февраля 1938 года —Тышкову Льву Самойловичу снизить срок наказания на ПЯТИ лет, считая со дня ареста. Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР, подпись».

Лишь спустя годы, когда встретился со своим отцом, приехавшим в Ивдель на свидание, он узнал, каких невероятных усилий и денежных затрат стоила ему хлопота о пересмотре дела. Он через третьих лиц нашел нужного человека в верхах. Речь шла об очень большой сумме денег, родители рисковали потерять свободу и тоже оказаться в лагерях. Но Бог милывал...

Хотя в 1942 году срок его заключения закончился, однако он, проживая вне лагеря, продолжал находиться на положении ссыльного поселенца без права перемещения из пределов зоны с радиусом 25 километров от управления Ивдельлага. Работал кочегаром в котельной, обогревавшей управление Ивдельлага, в топографической партии, диспетчером гаража управления Ивдельлага, а с 1943-го по 1946-й — солистом-скрипачом и руководителем художественной самодеятельности в клубе им. Ф.Э. Дзержинского управления Ивдельлага. За безукоризненное выполнение должностных обязанностей по руководству художественной самодеятельностью и за игру на скрипке Л. Тышков в числе 655 других заключенных, сотрудников и руководителей Ивдельлага в сентябре 1945 года начальником управления Ивдельского ИТЛ НКВД СССР майором Жуковским

▲ Лев Тышков. Свердловск. 1981 г. Из личного архива Михаила Тышкова

и начальником политотдела Ивдельлага НКВД РСФСР майором Манаенковым был представлен к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Медаль от имени Президиума Верховного Совета СССР была вручена в 1946 году по месту его жительства на заседании Исполнительного комитета депутатов трудящихся Октябрьского района г. Свердловска. Невероятно, но факт!

Вольная работа и учеба

В 1946 году руководство Ивдельлага, желая помочь в получении образования и в устройстве личной жизни, отправило его в командировку из пос.Ивдель в пос.Тавда, но не кратчайшим путем, а через г. Свердловск. В нарушение всех инструкций и правил передвижения лиц, являвшихся ссыльными поселенцами, имевших непогашенную судимость и паспорт без фотографии, Л. Тышков в лагерной одежде с темными пятнами от нашивок с личным номером на телогрейке сумел добраться до здания Свердловской областной филармонии и обратиться к Марку Израилевичу Паверману, главному дирижеру симфонического оркестра. После немедленного прослушивания главный дирижер и директор филармонии Л.Р. Листовский приняли его на работу в группу первых скрипок оркестра, устроив временно на жительство в одной из комнат филармонии. Ему запретили выходить из здания, и вместе с проф. Н. А. Орловым, ректором УГК, занялись устройством его судьбы. Им удалось вырвать Тышкова из цепких лап «чекистов». Правда, ежемесячно

в течение 5 лет на имя директора филармонии присылались грозные предписания, обязывающие Л.С. Тышкова в 24 часа покинуть г. Свердловск. Названные руководители ежемесячно «улаживали» неисполнение этих предписаний.

С 1946 года Лев Самуилович работал солистом-скрипачом и артистом симфонического оркестра Свердловской областной филармонии и учился по классу скрипки на оркестровом факультете УГК. Женился на Любови Моисеевне Зельдиной. Родились дети: Миша и Ирина. После окончания учебы в мае 1951 года и получения диплома он сначала педагог, а затем заведующий отделением струнных инструментов Музыкального училища им. П. И. Чайковского; преподаватель, ст. преподаватель и доцент консерватории; педагог в музыкальной школе-десятилетке при УГК и исполнитель партии 2-й скрипки в знаменитом Уральском струнном квартете им. Н. Я. Мясковского.

В 1955 году реабилитирован Военным трибуналом Московского военного округа.

В мае 1981 года за заслуги в области советского музыкального искусства Льву Самуиловичу Тышкову присвоено почетное звание «Заслуженный артист РСФСР».

Эмиграция

С целью эмиграции в США, где уже проживала с семьей его дочь Ирина Львовна Фрейдина, окончившая Уральскую консерваторию по классу скрипки, он поменял 3-комнатную квартиру в г. Свердловске на 2-комнатную маломерную «хрущевку» в поселке при ж.д. станции «Мга» в 49 км от Ленинграда по ветке «Ленинград-Петрозаводск», куда и переехал вместе с женой Любовью Моисеевной. Позже к ним присоединился с семьей и сын Михаил Львович, выпускник Свердловского государственного медицинского института.

В январе 1982 года — в день 65-летия — Тышков получил разрешение на выезд с семьей из СССР на постоянное место жительства в США. При таможенном досмотре в ленинградском аэропорту «Пулков» у них были изъяты: скрипка, большая часть нотной библиотеки, религиозные аксессуары его уже умершего отца: тора (молитвенник) и талес (мужской молитвенный предмет), письма его учеников, личная библиотека из 2-х тысяч томов, записные книжки с адресами и номерами телефонов друзей, а также обручальные кольца его и сына.

По прибытии в США был прослушан Густавом Маером, главным дирижером симфонического оркестра «Нью-Хевен симфони» и приглашен на работу по контракту в группу первых скрипок этого оркестра (г. Нью-Хевен в штате Коннектикут; США). Тоже по контракту работал в симфоническом оркестре в г. Бриджпорт в штате Коннектикут, выступал с сольными и камерными концертами в концертных залах штатов Коннектикут, Нью-Йорк и Нью-Джерси.

Умер 23 мая 2003 года в г. Нью-Хэвен в возрасте 86 лет.

Сотни его учеников, в т. ч. и знаменитых, живут и работают в России, в республиках бывшего СССР и во многих странах мира.

Его сын Михаил Львович Тышков — детский врач-гастроэнтеролог, главный врач госпиталя в г. Левингстон (штат Нью-Джерси; США). Дочь Ирина Львовна Фрейдина — скрипачка.

Документы собраны при финансовой поддержке Виктора Черкасова, председателя правления Свердловской областной ассоциации жертв политических репрессий. **УС**

«Вечереет. И к нам на огонь...»

Иллюстрации предоставлены автором

Двадцать лет назад в нашем журнале было напечатано первое стихотворение Бориса Рыжего. А еще десять лет спустя поэта не стало... Эти две многоговорящие даты встретились на рубеже уходящего и наступающего годов. Трагизму дат отвечают воспоминания поэта и прозаика Евгения Касимова, публикуемые нами в записи Алексея Мельникова.

Впервые я услышал о Боре, а не увидел его. Первая публикация у него была в №9 «Уральского следопыта» за 1993 год. А у меня там же была публикация — то ли в 1991-м,

то ли в 1992-м году. Тоже стихи (как у Рыжего) — четыре стихотворения. Я к этому времени (1992–1993 годы) уже не писал стихов. Сознательное решение? Нет! Не писалось мне —

Евгений Касимов

Поэт и прозаик. Окончил Литературный институт им. Горького. Работал на радио и телевидении. Редактор и составитель поэтических антологий и сборников. Автор нескольких стихотворных и прозаических книжек.

вот и все. И не писал я их довольно долго — до 2001 года практически.

Другая работа началась. Я начал серьезно трудиться в журналистике. До этого публиковал отдельные статьи. А здесь, начиная с декабря 1992 года, в эфире «Студия Город» вышел первый выпуск моих комментариев к «Новостям культуры» с Таней Анисимовой. А с 1993 года уже сам начал выпускать «Новости культуры». Олег Дозморов и Борис Рыжий позже (в 2000 году) появились — не в этой передаче.

Боря Рыжий с Ромой Тягуновым приходил ко мне. Ромка по своим делам. У нас были совместные проекты. Проходили в студии. Боря обычно сидел в коридоре. Я тогда работал с девяти утра до девяти вечера. И мне, честно говоря, было не до писанины! Очень много написал того, что вышло в эфир. И стало эфиром, то есть чем-то нематериальным. Не воплощено в строчки, не вошло в книги...

Последнюю попытку пробиться (в 1986 году) сделал в журнал «Урал». Я принес несколько своих рассказов, и редколлегия их одобрила. Но, к сожалению, Валентин Лукьянин (главный редактор) их зарезал.

Моя первая всероссийская публикация (четыре стихотворения) состоялась в «Уральском следопыте» в 1992 году. Тогда Герман Иванов был главным редактором. Он мой первый публикатор. И года через полтора-два там же вышла подборка (тоже четыре стихотворения) у Бориса Рыжего...

Помню, встретил кого-то из литературного объединения ДК «Автомобилист». И он меня спросил: «Читал? Борис Рыжий...» А Боря еще ходил в «Горный родник» — было такое литературное объединение в Горном институте. Все они там, как я понял, очень «болели» за Бору. И когда его публикация в «Уральском следопыте» состоялась, о нем стали говорить: «Самый молодой, самый перспективный, самый ля-ля-ля...»

Но я, честно говоря, тогда плохо его знал. Борису Рыжему в то время (в 1993 году) лет семнадцать или девятнадцать было. Те, кто знал его близко, они его стихи слышали — он читал им много. А я о них не слышал никогда. Мне сказали: «Прочитай в журнале!» Ну, стихи — хорошие, нормальные. Но я не скажу, что они меня поразили. Честно! Для девятнадцати лет — совсем неплохо. А вот фамилия — запоминаться: Рыжий! Я еще подумал: «Псевдоним, что ли?» Оказалось, что нет...

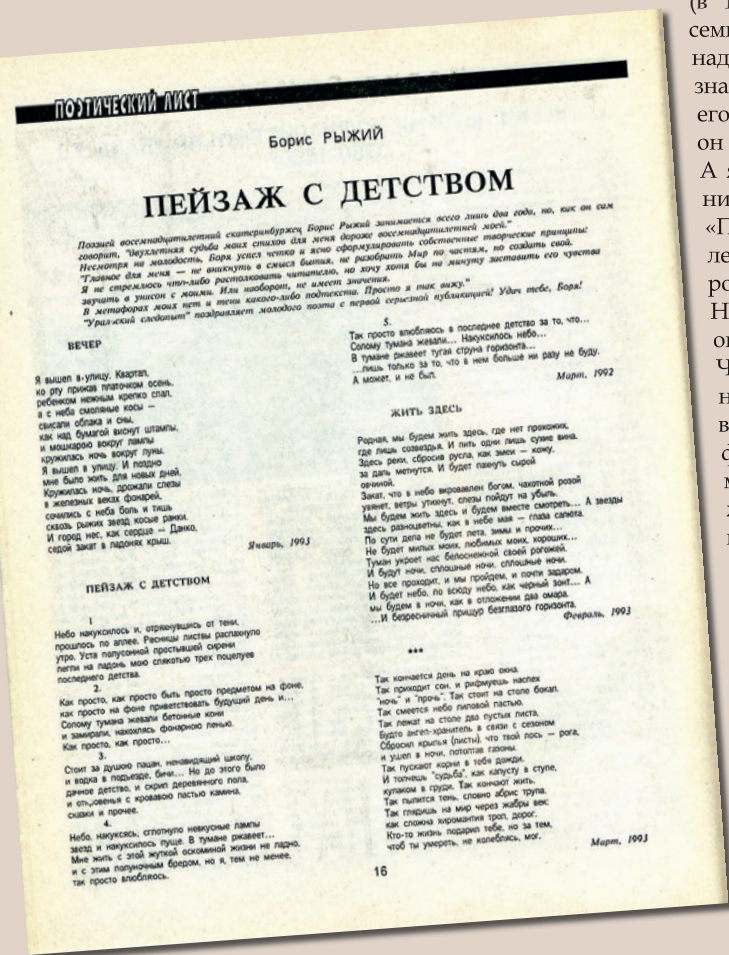
Мы виделись, здоровались. Боря очень стеснительный был, честно говоря. Я ему все время предлагал: «Давай пройдем в редакцию!» Он не сопротивлялся, он просто говорил: «Нет, нет, нет...» «Ну,

нет — так нет, посиди здесь». Там стулья стояли в коридорчике. Это 1990-е годы.

И вот состоялась у нас передача. С ним и Олегом Дозморовым. В прямом эфире, по-моему, мы делали ее. Вот почему она не сохранилась. Прямой эфир пишется на «прокурорские» пленки. А они хранятся только месяц или два... «Прокурорские», потому что если кто-то захочет что-то опротестовать, то мы эту запись должны по требованию прокуратуры предъявить. Но это должно быть в течение двух месяцев. А потом она перезаписывается. Их же всего — шестьдесят пленок. Или тридцать штук? Они все время меняются — иначе пленок не напасешься...

Надо было тогда эту запись «сдёрнуть!» Там интересный разговор был. Там они оба — Рыжий и Дозморов — читали свои стихи. Разговаривали, дурачились — веселая такая передача получилась. Но у меня было тогда слишком много работы...

Потом? Потом Рома погиб (декабрь 2000 года). Мы Ромку похоронили, сделали его книжку, самую первую (Р. Тягунов. Стихи. Издательство УрГУ. 2001). Я ее составлял. Мы делали ее при жизни Ромы. Я эту историю описал уже: «Книжку отправили в типографию. Рома пришел ко мне в студию в конце декабря. Был он разбит,

растерян. Мучительно о чем-то молчал. Я пошел проводить его к лифту. Вдруг Рома заплакал и побежал вниз по лестнице, крикнув: «Ты меня, может быть, последний раз видишь!» Через неделю он выпал из окна пятого этажа и разбился насмерть...». Не просто все было с Ромой...

Помню, что было воскресенье (март 2000 года). Я дома был. И раздастся звонок. Открываю дверь — стоит Боря. Я говорю: «Проходи!» Он прошел, сел на кухне, поближе к форточке. Да, Рома Тягунов не раз курил под этой самой форточкой. На этом самом подоконнике. В этом самом доме (Екатеринбург, улица Мальшева, дом 84)...

У Бори была бутылка пива. Он сидит и выпивает. Разговариваем. Как мы общались с Борисом Рыжим? Я обращался к нему: Борис или Боря. Он ко мне: Евгений Петрович. Все-таки я его в два раза старше. Вернее, двадцать лет разница. Я — 1954-го года рождения, он — 1974-го...

У меня накануне как раз написались стихотворение «Шарм-Эль-Шейх». С него у меня как раз пошла «вторая волна стихов». Лист бумаги со стихотворением, опечатанным на машинке, лежал на холодильнике. Я указал на него Боре: «Вот, стихотворение написались...» Боря встал с места, прочел «Шарм-Эль-Шейх» и говорит: «Классное стихотворение! Мы его обязательно возьмем в журнал «Урал». В юбилейный номер...». Я в ответ: «Возьми!»

Сидим дальше, какой-то был треп... И вдруг Боря мне говорит: «А почему, Евгений Петрович, вам

мои стихи не нравятся?» Тут я просто обомлел: «Боря, помилуй! Что значит — не нравятся? Я их просто не знаю». Боря прочел для «Студии Город» пяток стихотворений. Да в «Уральском следопыте» четыре стихотворения были напечатаны. Публикация в журнале «Знамя» мне не попадалась. Интернета и компьютеров не было тогда. Времена были трудные и тяжелые. Журналы «толстые» из киосков исчезли. Раньше-то я на них подписывался...

И вот Боря начал читать. Я абсолютно точно помню — первым было стихотворение «Расклад»:

*Витюра раскурил окурочку хмурую.
Завернута в бумагу арматура.
Сегодня ночью (выплюнул окурочку)
мы месим чурочку...*

Боря прочел его. И дальше было — неостановимо. Часа, наверно, полтора Боря читал стихи. Он очень хорошо читал стихи — так артистично... И чем больше Боря читал, тем больше я возбуждался. Для меня именно тогда и произошло открытие. До этого я даже предположить не мог, что есть такой поэт — Борис Рыжий!..

Нет, книжку свою (Б. Рыжий. И все такое. Санкт-Петербург. 2000) Боря мне не подарил. Видимо, она тогда еще не появилась. Как персонажа городской жизни — мы все знали Борю. Знали, что он (декабрь 1999 года) «Антибукер» получил — премию литературную. А стихи его до нас не доходили! Еще о Боре (и о Ромке) рассказывал мне очень много Саша Верников. Но и он го-

ворил скорее о самом Боре, чем о его стихах...

Ну вот, тогда (март 2000 года) Боря прочел очень много стихов. Были они все — необыкновенные. Мне почему-то вдруг захотелось сравнивать Борю с большими поэтами. Я просто чувствовал его родство — с Ярославом Смеляковым, например. И другими советскими поэтами 1960–1970-х годов. Не потому что было заметно какое-то их влияние, нет. Родство было в свободной интонации, в поэтическом жесте, в чем-то еще. Я просто вздрогнул...

Побежал я из кухни в комнату, начал книжки хватать с полки, показывать Боре: «Слушай!..» В частности, Ярослава Смелякова и Давида Самойлова — хороших поэтов. Они уже в то время (в 2000 году) классиками были. И я помню, мы расстались с Борей очень хорошо! По крайней мере, я узнал стихи Бори. Я не знаю, насколько ему важна была моя оценка. По-моему, он сам себя прекрасно оценивал, прекрасно знал себе цену! Это было видно, я такое чувствую...

Какое качество стихов! Человек не может не осознавать, что это не случайность. Ну, совсем не то, что у нас бывает: «Старик, какой образ! Какая рифма. Какая строчка...». Хотя случайно — шедевры пишутся! Такое было сплошь и рядом в истории литературы. Франческо Петрарка так свои сонеты и не воспринял всерьез. Считал, что поэма «Африка», написанная на латинском языке, — главное дело его жизни. А все остальное — так, мелочь и чепуха. Петрарка заклинал друзей, когда стал умирать: «Сожгите мои сонеты! Несерьезно все это...»

Подобных примеров много. Но по Борису Рыжему было видно: он прекрасно понимает, что он делает! Он с каким-то вкусом — говорил, подавал, произносил все это. Было видно, что Борис управляет своим талантом...

Потом мы встретились в университете, прямо в дверях столкнулись. Больше Борю я не видел. Поэтому я не могу сказать, что мы долго дружили с ним...

И вообще друзей-то у него не так уж много было. Насколько я знаю, Олег Дозморев — самый верный и большой его друг. Среди людей, авторитетных в литературе, Борю всегда привлекал Юра Казарин. Они созванивались почти ежедневно...

А у нас с Борей — едва началось общение, о чем я и написал потом стихотворение: «Вечереет. И к нам на огонь...» Примерно недели через две после Бориной смерти оно получилось (29 мая 2001 года). Честно говоря, меня его смерть ошеломила. Потому что кто бы мог вообще ожидать? Сильное было у меня душевное смятение...

Тема смерти в каждой строчке Рыжего? Когда Боря читал стихи вслух — ничего в них не было гибельного! Там была бездна энергии. Почему он у меня сразу же вызвал ассоциации с такими поэтами, как Смеляков. Там, даже если был трагизм, он был такой — ну, я не знаю! Трагизм человека пережившего, переборовшего, переломившего эту трагедию. Это было настолько сильно и ярко, что даже мысли не было о смерти! Надо же было видеть, как читал Боря того же «Витюру». Это же было азартно...

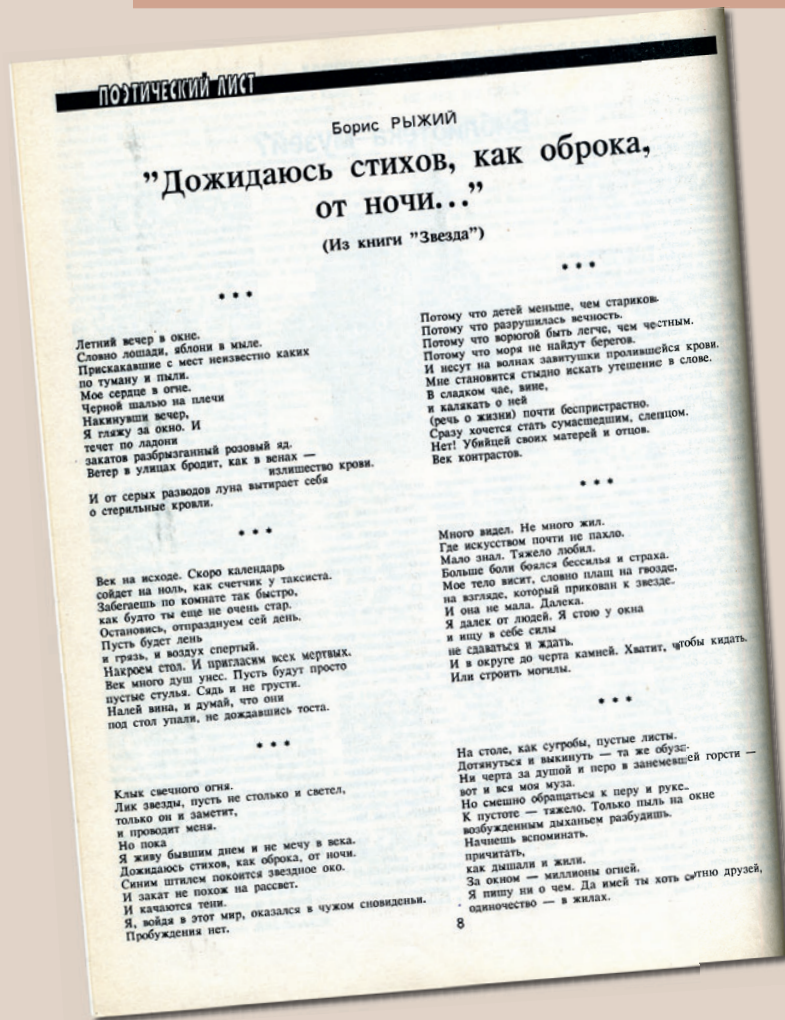
А вот потом (в 2004 году) стихотворение написалось — уже конкретно к Боре обращенное. По сути дела — я просто зарифмовал! Я странные стихи пишу в последнее время. Что в прозу не «помещается», оно условно очень рифмуется — вот и все:

*Мы с Борей не договорили,
Мы только начали диАлог.
Он пива выпил и добавил:
«Мартини Бьянко». Закурили,
Он сигарету исковеркал
И стал читать стихи запойно,
И был он трезвый и спокойный.
Потом его позвали сверху.
Третью жизни или половина,
Нацеленная в бесконечность?
Могильщик пьяный и бесчеловечный
Засыпал тело белой глиной.
Сейчас он обитает где-то,
Где продолжают разговоры
Философы, бродяги, воры,
И работяги, и поэты.*

*Оттуда кажется планета
Огромной глыбой ледяною,
Гудящей лампой дневною.
И вся Россия — ВторЧерМетом.*

Мне Саша Верников (летом 2001 года) прислал большую подборку стихов Бори. Все, что вышло в журнале «Знамя» (три подборки), в альманахе «Urbi», еще где-то. Огромный массив стихов, стихотворений двести или триста. Я сел читать — и очнулся только в четыре утра. Я просто обалдел, я оторваться не мог. И вот тогда я понял все, что называется, меня окончательно пробило. Масштаб Бори, его абсолютная неординарность, абсолютная одаренность какая-то. От этого еще больше горе становится. Я думаю: что если бы, если бы, если бы? Наверное, мы бы подружились, если бы не случилось этого...

Поэты просто так не погибают — это надо понимать! Случайно никто не умрет. Я стал догадываться о причинах — намного позднее. Мне кажется, Боря не смог бы в новом времени жить (2001–2011). Началось то самое время, которое позже некто Сурков назовет: «Около ноля».

То есть совсем другая история началась. Не девяностые, а нулевые годы. Другая страна и другие люди. Все это вряд ли бы подошло Боре. И я уверен — он это чувствовал! У каждого — свой запас жизненных сил. Но я не думаю, что Боря уже все написал, что мог написать...

Боря — как раз из тех поэтов, что ощущали это все. И не кончиками пальцев, а всем своим существом. Всем своим естеством! Я себе не представляю, как Владимир Высоцкий бы жил, например, в 1990-х годах? Ну, как это? Что, он писал бы песенки про Михаила Горбачева, что ли? Сатиры какие-нибудь? Да ерунда это все!

Стихотворение «Шарм-Эль-Шейх», так приглянувшееся Боре, действительно напечатали в журнале «Урал» (№11 за 2000 год). Я помню, что Мережников поправил одно слово. Было: «верблюды бредут». Стало: «верблюды идут». Блин, ну что такое! С Николаем Колядой (главный редактор) мы, помню, встретились. Он мне сказал: «Прошу прощения! Мережников слово исправил...» Николай Яковлевич любил поправить стихи. Что же еще делать, если ты заведешь отделом поэзии? **УС**

Поэт К.Ф. Реут с сыном Феликсом, 1938 г.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Внучка поэта – Юлия Феликсовна Реут

Константин Реут — жизнь продолжается

Иллюстрации предоставлены автором

В мае 2011 года известному поэту Константину Феликсовичу Реуту исполнилось бы 100 лет. Этот удивительный человек оставил глубокий след на уральской земле. Строитель по профессии, журналист по призванию, поэт по складу своей души... О нем и его потомках хочу рассказать.

40

Николай Гелеверов

46 лет работал инженером-конструктором на Уральском электрохимическом комбинате (г. Новоуральск Свердловской обл.). Руководил одним из сильнейших в Минатоме общественным конструкторским бюро. Ветеран атомной энергетики и промышленности. Заслуженный путешественник России. Академик Московской международной академии детско-юношеского туризма и краеведения, руководитель ее регионального отделения в Свердловской области. Живет в Новоуральске.

Уральский следопыт, февраль 2012

Высокий, белокурый, атлетически сложенный, в барашковой папахе набекрень, в распахнутом пальто при любой погоде — таким навсегда остался в памяти уральских поэтов старшего поколения Константин Реут. Неистребимый оптимист, веселый и задорный, готовый на шутку ответить шуткой, на одну остроту — тремя.

Он весь вот в этих его строчках:
 О чем прокричать
 в этот радостный день
 под звон,
 под рожки
 и гудение?
 Жить!
 Здравствуй!
 И в борьбе,
 и в труде
 носить напряженно,
 всегда и везде
 весеннее сердцебиение!..

Короткой, но полноценной и богатой была его жизнь. Константин Феликсович родился в селе Катайском Курганской области в семье агронома. В уральском городке Камышлове прошли его детские и школьные годы. С детства полюбил поэзию, в школе уже был признанным поэтом и бессменным редактором стеной газеты, где и помещал свои первые стихи. А с 1927 года они уже регулярно публикуются в газетах «На смену!» и «Уральский рабочий». Тогда же он становится одним из самых активных членов литературной группы «На смену!», которая вообще сыграла заметную роль в становлении писательской организации.

По зову сердца и без колебаний поэт едет на строительство Челябинского тракторного завода-гиганта.

Прошел путь от чернорабочего до техника-строителя. Он хотел видеть, понять, активно участвовать в том новом, что возводилось вокруг. Именно работа в строительном коллективе способствовала его творческому развитию: молодой строитель становится главным героем его стихов.

*А я уже врос в работу
 Со всем:
 С головой, с руками,
 Спокойный и деловитый,
 Уверенный и простой.*

**

*Челябинск затих,
 но за трактором
 разогрета ночь добела.
 Небо дрожит
 над тракторным
 пожарищем
 электроламп.
 (1932)*

В 1932 году Реут появляется в Свердловске. Через два года выходит первый сборник его стихов — «Убеждение». Он сразу привлек внимание читателей — любителей поэзии. А летом 1934-го, с трибуны I Всесоюзного съезда советских писателей, Константин Реут был назван одним из ведущих уральских поэтов.

В Свердловске он с головой окунулся в творческую работу. Много ездит по Уралу, познает жизнь во всем ее разнообразии. В газете «Уральский рабочий» появляются его очерки о тружениках индустриального Урала. Это было проявлением еще одной стороны его дарования. Но стихи всегда были на первом месте.

▲ Поэт К.Ф.Реут перед уходом на фронт

В 1942 году Константин Реут ушел на фронт Великой Отечественной войны. И в том же году погиб под Ленинградом. Вторая книга поэта — «Весеннее сердцебиение» — вышла в Свердловске только в 1963 году...

Такая вот стремительно короткая биография. Но рано и насильно оборванную жизнь поэта достойно продолжают его потомки.

▼ С мемориальной доски погибших

▲ Групповая фотография: К.Ф. Реут (справа)

▲ Ф.К. Реут

Феликс Константинович

Начало самостоятельной жизни сына поэта Феликса Константиновича Реута не было безоблачным. Прочувшись два курса в Горном институте Свердловска, он понял,

что выбрал не «свою» профессию, перевелся на радиофакультет УПИ без стипендии. Учился и работал. Такая жизнь сильно закалила характер. После окончания института год трудился в Свердловске, а с июня 1964-го начал трудовую биографию в Новоуральске на Уральском электрохимическом комбинате.

Молодой специалист сразу показал себя. В 1966-м его разработка по преобразователям частоты стала применяться на родственных производствах. Тиристорные преобразователи частоты для тех лет были новинкой промышленной электроники. Их еще только учились производить на заводе «Электровыпрямитель» в городе Саранске – столице Мордовии. Из тысячи приборов только два-три подходили по своим параметрам для мощных высокочастотных преобразователей. Силовую часть разрабатывали московские ученые, а системой управления занимался коллектив группы затем и лаборатории №5 Приборного завода УЭХК во главе с Ф.К. Реутом. Жизнь Феликса Константиновича протекала в командировках между Новоуральском, Москвой и Саранском.

В 1970 году группа Реута приступила в эксплуатацию опытно-промышленную партию преобразователей. Серийные приборы этой

модели успешно работают до сих пор.

В связи с развитием производства встала необходимость создания более мощных преобразователей, и потому была создана лаборатория, ядром которой стала группа Реута. В его лаборатории в разное время постоянно работали 23–25 человек.

Он сам разработал и внедрил шесть рацпредложений и получил 15 авторских свидетельств на изобретения. 11 из них внедрены в производство.

Руководитель лаборатории удостоен знака «Изобретатель СССР», звания «Новатор производства». К 50-летию УЭХК отмечен званием «Заслуженный рационализатор УЭХК» и награжден медалью «Ветеран атомной энергетики и промышленности».

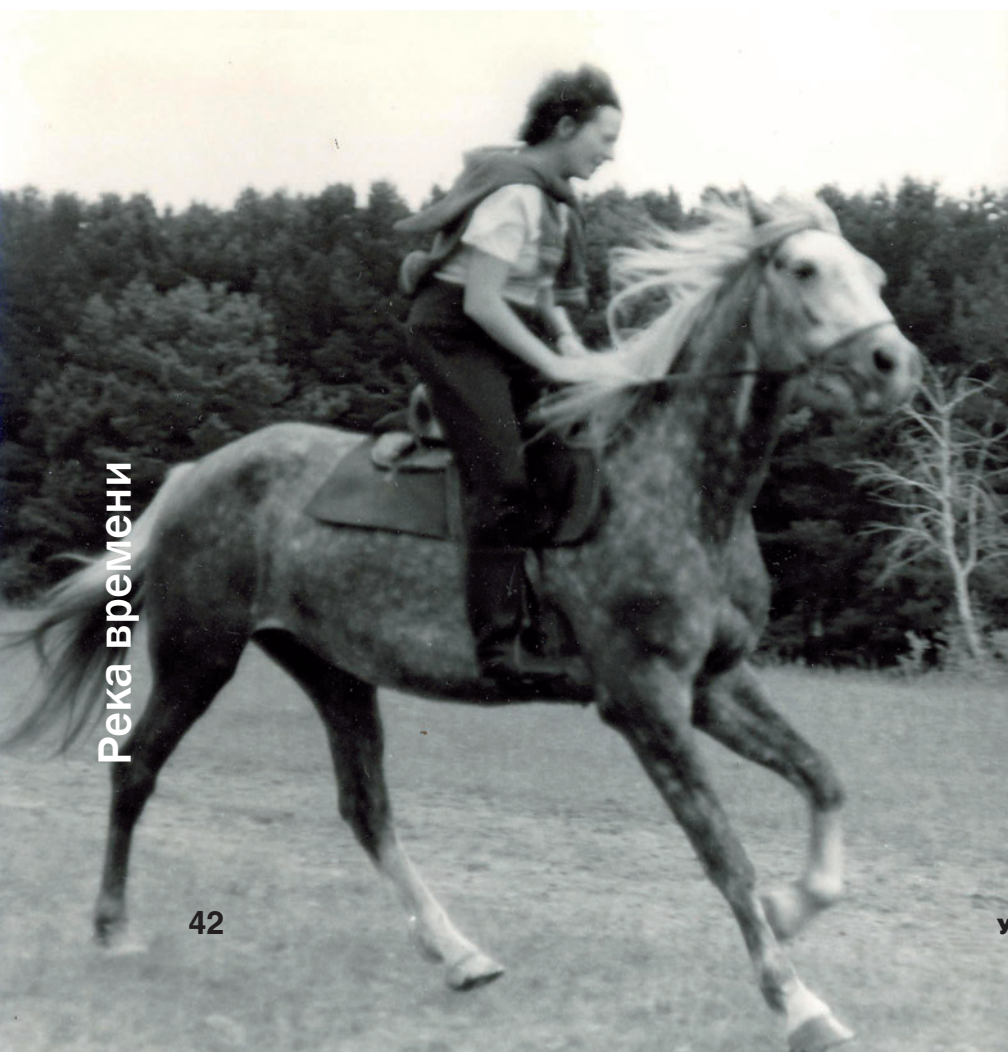
С июня 2007 года Феликс Константинович на заслуженном отдыхе. Вырачивает прекрасные тыквы и помидоры. Но главная его привязанность – электронная техника, теперь уже бытовая.

Твердый характер и «реутовскую» натуру он проявлял во всем. Активный противник курения, однажды, придя на совещание, демонстративно надел противогаз. Это была его акция протеста, и многие курильщики стали выходить в отведенные для этого места.

Помнится мне и почти невероятный эпизод, случившийся во время путешествия по Камчатке в 1972 году. Нам встретилась партия геологов. По сравнению с нами, туристами, они пребывали в приличных условиях: жили в избе, имели подробную карту маршрута, пекли собственный запашистый хлеб... Вот и отрядили меня товарищи на встречу с руководителем этой партии. Разговор явно не клеился. И вдруг геолог произносит: «Как говаривал мой друг Феля...». Я поинтересовался: уж не Феликс ли Реут, сын уральского поэта?: Тут, конечно, мне и карту показали, и рюкзак наполнили буханками хлеба.

Оказалось, они вместе были в сложном походе по Южному Уралу. Двадцать дней таежной жизни на склонах и вершинах Большого и Малого Ирмея, Яман-Тау на всю жизнь оставили след в памяти студентов Горного института. Таково было обаяние личности Феликса Реута.

Кроме сухих строчек производственных отчетов, сын поэта не писал ничего, и тем более в рифму. Этот дар от деда передан его внучке...

Река времени

Юлия Феликсовна

Юлия Реут во многом повторила путь отца. Окончила механический факультет УПИ, распределилась инженером-механиком в коллектив ОКБ на комбинат, где работал отец. Стала высокопрофессиональным конструктором.

От родителей — больших поклонников уральской природы — передалась ей тяга к путешествиям. От деда — к стихам. Псков, Петербург, Бишкек, Москва, Ташкент, Ереван, Севастополь, Кавказ — приблизительная география ее маршрутов. И, конечно, родной Урал. В путешествиях увлеклась фотографией. Окружающая природа, сын и все, за что зацепится глаз, что заденет душу, — становится объектами ее фотографий и стихов.

ДВЕРЬ

*В таких местах порою кажется,
Что, переступив порог,
Ты вдруг среди толпы окажешься,
Которая давно здесь не живет.
И сможешь, руку протянув,
Дотронуться до тайн истории.
Быть может,
эта дверь туда ведет?
А может, в параллельные миры
здесь коридоры?*

ДУША

*Зимой, когда природа засыпает,
И лес прозрачен, как вода,
Из глубины вдруг проступает
Загадочная русская душа.
Ее древесный, теплый свет
Нас согревает и тревожит.*

*А звон колоколов заденет
Струн нежных светлые аккорды.*

СЛАДКАЯ ПАРОЧКА

*Он — буря, ветер, взрыв эмоций,
Поток безудержных идей.
Она — кокетка и запас вопросов,
Организатор всех затей.
При столкновении искря,
Пытаясь быть всегда лишь первым,
Как трудно сдерживать себя,
Друг другу оставаясь верным.*

С детства, восхищаясь лошадьми, стала горячим поклонником курганского конного маршрута и удивительных созданий — лошадей орловской породы. Юлия пробует себя и в прозе, и, естественно, пишет живо и эмоционально о конных путешествиях...

Константин Феликсович

Сын Ф.К. Реута (внук поэта), окончив школу, стал работать в ОКБ Приборного завода, там же, где работал отец. Поступил на вечернее отделение МИФИ. С 3-го курса ушел служить в Армию. После «учебки» в Каунасе был направлен для дальнейшего прохождения службы в Афганистан. Отслужив, возвратился на Приборный завод. В настоящее время он — инженер-энергетик профильного цеха УЭХК, занимается эксплуатацией силовых полупроводниковых преобразователей частоты. Воспитывает дочь (правнучку поэта)...

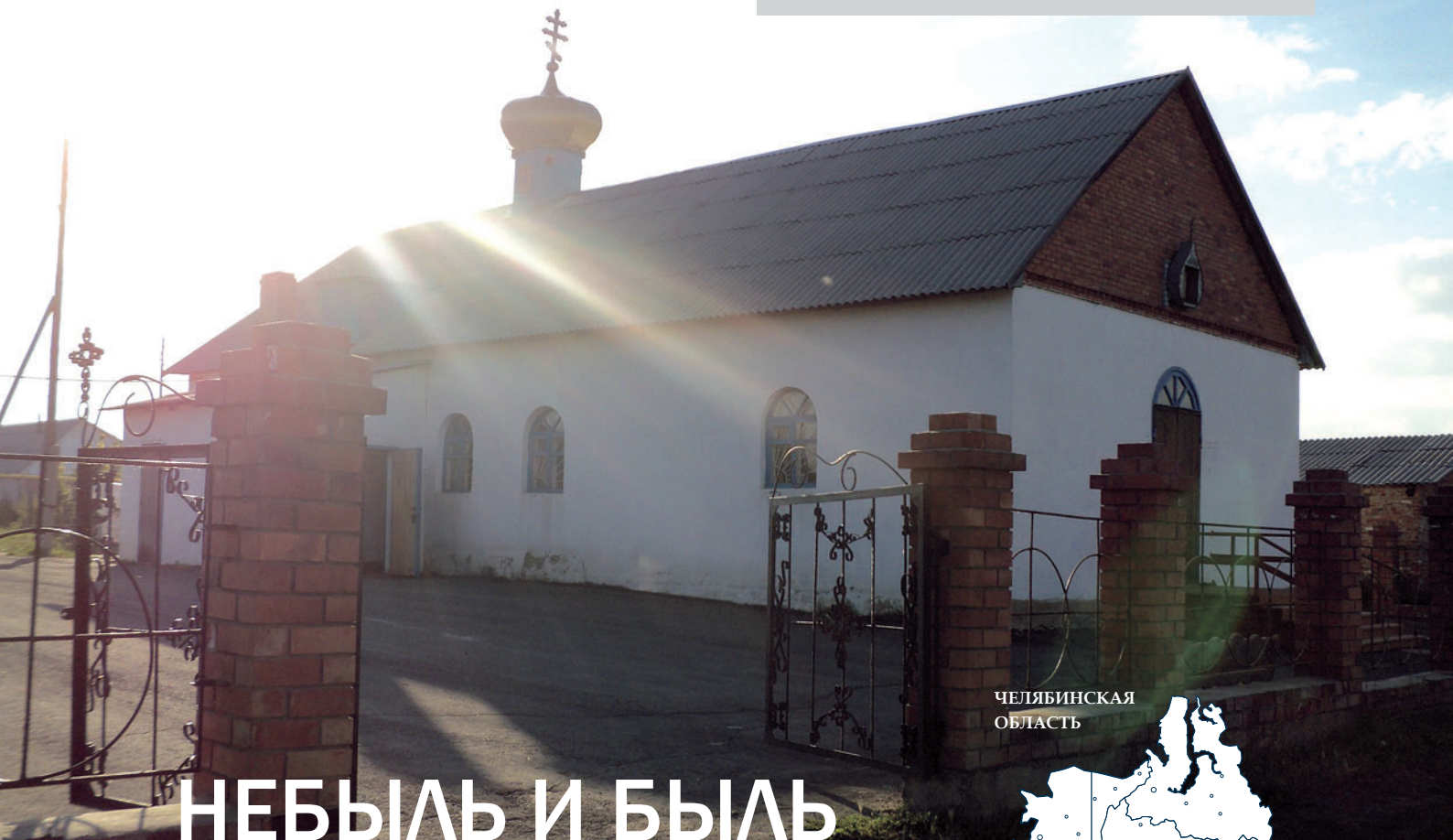
На мой вопрос, писал ли Костя Реут что-либо в рифму, его непо-

средственный руководитель коротко ответил: «Костя — технарь до мозга костей». И этим все сказано...

Так живут потомки уральского поэта Константина Реута на воспелой им уральской земле. **УС**

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

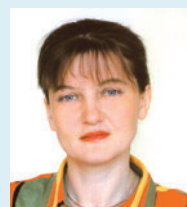

НЕБЫЛЬ И БЫЛЬ об о. Александре

Иллюстрации предоставлены автором

В начале 1990-х годов, когда наш журнал инициировал павленковское движение — за сохранение сельской книжной культуры, библиотеки начали поиск своих исторических корней. А осознав свою причастность к деяниям издателя и мецената Ф. Павленкова, стали активно продолжать краеведческую работу, превратившись по сути дела в сельские библиотеки-музеи. С тех пор этот павленковский ресурс отличает провинциальные библиотеки, отмеченные именем русского просветителя.

Какое-то время сельская библиотека в Еманжелинке размещалась в одном здании с Центром дневного пребывания для малообеспеченных, инвалидов и ветеранов. Библиотека соседям помогала. Устраивали обзоры книг, читали вслух статьи из газет и журналов, программу телепередач. Рубрика «В мире животных» то и дело вызывала реплику: «Это которую наш Дроздов ведет?». На мой вопрос ответили: «Ты что ли не знаешь? Он же внук старого попа, Александра Дроздова. Вылитый отец Александр!» Я не поверила, но версия меня заинтересовала. При случае расспрашивала старожилых о последнем еманжелинском священнике.

Юлия Демченко

Заведующая Еманжелинской павленковской библиотекой Еткульского муниципального района Челябинской области. Окончила Челябинский пединститут, академию культуры и искусств (ЧГАКИ), заочно учится в аспирантуре. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари, прошла областная школа на тему «От краеведения к краелюбию», а также презентация подготовленной Ю. Демченко энциклопедии села Еманжелинки.

▲ В.И. Куликова (слева) и А.А. Гиль

И вот выступали тогда кто за красных, кто за белых. А он (отец Александр Дроздов) вышел и сказал: «Я за царя и за белую власть», — и убежал.

Мало кто помнил события почти вековой давности.

— Меня тогда и на свете не было. Вот мать (отец, бабушка, дедушка) рассказывали, бывало, о попе. Он в доме при церкви жил. Дом большой, там после школа была. Но и семья большая. Еще лечил поп-то. Прямо домой больные и приходили.

— Он что, врачом был?

— Кто его знает... А лечил хорошо.

Коренной еманжелинец, казак, ветеран Великой Отечественной войны Михаил Всеволодович Ярушин сохранил в памяти «преданья старины глубокой». Его семья отлично знала священника. Дед и бабушка неоднократно занимали у Дроздова зерно для посева. Сам отец Александр землю не пахал, но за исполнение обрядов с ним часто расплачивались пшеницей. Зерно в долг под будущий урожай он давал без процентов.

Когда случилась беда с ребенком, сыном Севою, Ярушины тоже обратились к Дроздову. Мальчик в детстве переболел оспой и получил осложнение на один глаз. Родители боялись, что Сева ослепнет. Священник приготовил какие-то мази, растолковал способ лечения. И зрение вернулось, вырос казак без изъяна. Это был Всеволод Павлович Ярушин, будущий отец Михаила.

О других подробностях из жизни семьи Дроздовых поведала Анастасия Александровна Гиль (Казанцева). Казанцевы — тоже местная фамилия, приехали в эти места лет двести назад, вскоре после основания Еткульской и Еманжелинской крепостей. В германскую войну пришлось туго. Александр Яковлевич, отец Насти, сразу попал на фронт. Мать, Мавра Алексеевна, сама много земли распахать и засеять не смогла, пришлось идти в прислуги. Взяли ее в дом Дроздовых. Может, особого богатства там и не было, но по сравнению с рядовыми станичниками священник жил зажиточно. Кроме Мавры, держали еще двух человек женской прислуги и в конюшне помогал кто-то из мальчишек.

Казачкам, которые без мужей пытались вытащить семью из нищеты, это казалось обидным. Не обходилось и без ссор. Мавра Алексеевна потом со смехом рассказывала дочери, как однажды в большую стирку женщины выстирали белую пуховую шаль матушки-попадья в кипятке — шаль свалялась и села. «Месьть», впрочем, последствий не имела — бытовое раздражение не перерастало в настоящую вражду.

Еманжелинка. Начало XX в. Семья Казанцевых, родственников А.А. Гиль ▶

Поповские дочери замечательно играли на рояле. Летом жители собирались под окнами на скамейках слушать музыку. Любили младшего сына Дроздова, Николая. Говорят, был отзывчивым и добрым парнем. Его-то молва и прочила в «отцы» знаменитому ученому и телеведущему. Однажды мне посоветовали обратиться к Варваре Ивановне Куликовой. К моменту нашей встречи ей было уже за 90, но ее память и талант рассказчицы удивляют до сих пор. В Еманжелинке она родилась, никуда отсюда не уезжала. Для меня она стала живым учебником местной истории: события, начиная с 1917 года, она помнила до мельчайших деталей. Некоторые беседы с ней записаны на пленку, в том числе и воспоминания об отце Александре. Приведу ее рассказ, сохранив своеобразную манеру изложения.

«Когда советская власть (пришла), наша деревня три раза из рук в руки переходила: то красные придут, то белые придут. Школа была у нас, маленькая школа, там всего 3–4 парты было. И вот выступали тогда кто за красных, кто за белых. А он (отец Александр Дроздов) вышел и сказал: «Я за царя и за белую власть», — и убежал. Его догоняли, но у него уже припасено место было под сеном, под приметком сделал себе убежище и пролежал до утра. А на свету его работник как вроде беседки положил в короб и увез в Еткульский бор. И сколь он там, не знаю, скрывался.

А потом его все-таки поймали. Их, попов, заставляли пахать, как лошадей, запрягали; и били их; издевались над ними. Которые на борозде умирали, которых добивали. Не давали ни есть, ни че. Был в той каторге. И ему сломали ногу. А он раньше выучился на врача, но врачом работать не стал, а пошел в попы. И он потом, когда ему ногу сломали, ее сложил сам, раз врач.

А потом он скрылся, убежал. И сколько он скитался, не знаю. А у него, не знаю, в Томске, не знаю, в Омске жила дочь, работала врачом. И он к ней как-то добрался. Там переменял имя, фамилию, отчество и у ней жил много лет.

А как-то... Наша же деревенская женщина была его крестницей. И встретила его в магазине: «Ой, крестный! Здравствуйте! Отец Александр!» А он же скрывался все:

Казалось бы, вырвавшись на свободу, он тем более должен озлобиться и поддержать бунтовщиков, но Дроздов кровавой междоусобицы не принял и предпочел уехать.

«Ты что?! Какая ты мне крестница?! Я сроду не здешний». И ушел. Ушел и где-то за углом ее караулил. Она пошла, а он вышел и говорит: «Иди сюда! Ты что?! Ты разве не знаешь, что я скрываюсь?! А ты меня выдаешь». «Ой, крестный, я ... потом одумалась».

Вот так я слышала».

Варвара Ивановна в детстве бывала на службах, которые вел Александр Дроздов, запомнила и внешность священника. «Худенький был. А так роста среднего, борода небольшая. Русый вроде».

В районном и областном архивах сведений об отце Александре я не нашла. Но по рассказам постепенно сложился портрет Дроздова. Образованный, разносторонний человек, не последний в станице, он всерьез относился к своему служению, верил в присягу. Среди местных слыл книголюбом. Новая власть реквизировала у него солидную библиотеку. Книги, вынесенные из дома, заняли большой сарай.

После побега из Еманжелинки некоторое время скрывался в Еткульском бору. Этот лес и сейчас производит впечатление, а тогда непроходимые заросли служили убежищем для нескольких отрядов повстанцев. К казакам примкнули и священники, благословляя людей на борьбу с большевиками. Однако военные действия развернулись в 1920-м году, а Дроздов попал в лагерь намного раньше. Казалось бы, вырвавшись на свободу, он тем более должен озлобиться и поддержать бунтовщиков, но Дроздов кровавой междоусобицы не принял и предпочел уехать.

Сначала он жил где-то недалеко от Еманжелинки, во всяком случае, известие о том, что он расписался в Совете с венчаной женой, быстро дошло до его бывших прихожан; потом скрылся, опасаясь ареста. На Родину его, видно, тянуло. Уж не могилы ли детей он хотел навестить, когда его так некстати узнала крестница?

Троицкий тракт, теперь федеральная трасса М-36. Этому торговому пути Еманжелинка обязана своим существованием ▼

Наверное, она была единственной из еманжелинцев, кто говорил с отцом Александром Дроздовым перед самой войной.

В 2009 году история отца Александра получила продолжение. К нам в библиотеку приехала челябинский краевед и писательница Мария Александровна Меньшикова. Она собирала материалы для книги о церквях Челябинской области, имела немало сведений об уездных священнослужителях и храмах, стоявших до революции в поселках и станицах Южного Урала. В архивах она нашла документы и об Александре Павловиче Дроздове. Благодаря ее помощи, полуфантазийный портрет еманжелинского священника приобрел вполне реальные черты.

Родился Александр Павлович Дроздов 1 марта 1869 г. в Белоярске в семье священника Павла Егоровича Дроздова. Окончил Оренбургскую семинарию и принял приход в поселке Синеглазово недалеко от Челябинска. Неоднократно был отмечен церковным начальством. Бесплатно вел занятия в церковно-приходской школе. В Еманжелинку приехал в последние годы XIX в. и больше мест службы не менял.

В подлинную биографию вписывается не все из рассказов старожилов. Ну, не был Александр Павлович врачом! Как многие образованные люди до революции, он, усвоив основы медицины, вероятно, давал советы или пользовал страждущих народными средствами. Сын Николай, которого так упорно приписывает ему молва, тоже не упоминается в документах, а названы 4 дочери, младшая с 1907 г. Однако мальчик мог родиться позже, или за сына принимали племянника Дроздова: он взял на воспитание детей сестры после смерти ее мужа.

Данные из Интернета тоже решительно опровергают предполагаемое родство еманжелинского и московского Дроздовых. Всем известный Николай Николаевич Дроздов — уж точно не внук нашего священника. Но, выслушав добрый десяток рассказов с упоминанием двух Дроздовых, в мыслях я вольно или невольно наделяю Александра Павловича внешностью его однофамильца. Хотя... По линии отца Николай Николаевич все-таки связан с русским духовенством. Если не на близкое, то на дальнее родство между ними можно намекнуть в поддержку сельской легенды... **УС**

Вид на старую часть села ▶

Памятник павшим в годы Великой Отечественной войны построен на месте церкви, где служил о. Александр ▼

▲ Дом Культуры, где расположена сельская библиотека им. Ф. Павленкова

фото М. Фирсова

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

февраль 2012

Аэлита

50

Законы Вселенной

ВАЛЕНТИН БЫКОВСКИЙ
Воздастся

50

АЛЕКСЕЙ ПРИБИТКОВ
Метро

58

ИЛЬЯ ТЁ
Знакомьтесь, Атмагеддон

64

69

Координаты чудес

СЕРГЕЙ ТРИЩЕНКО
Что выбросит море

69

72

Повод для улыбки

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ
Безбожная комедия

72

Воздастся

— Он поднимает эту пукалку, — спецназовец в подтверждение своих слов потряс над головой «Барсом» с обрезанным прикладом. — Приставляет к моей груди. Ха, мне. Понял?

Дмитрий внимательно слушал, стараясь ничего не пропустить, запоминая даже интонацию. Ведь все нужно потом записать. Записать максимально точно, чтобы предполагаемый читатель понял.

— Упирает так в грудь, — продолжал порядком захмелевший песецназовец, как назвал его про себя Дмитрий. — Давай, говорит, раздевайся. Это, наверное, чтобы одежду не испортить. А мне интересно, мне любопытно, что дальше-то? Я стою, делаю вид, будто испугался очень. Он осмелел, видать, палец со спускового крючка убрал, ну я и сделал, как учили.

Спецназовец, называющий себя Терминатором, даже встал и начал показывать свой финт. Нелепо крутнувшись на каблуках, не устоял и со всего размаха грохнулся снова на лежанку.

— Ха. Во, понял, дед? — Димкина настойка достала даже такого «борова».

Незванный гость действительно походил на бывшего военного. Даже сейчас старая поношенная форма сидела на этой горе натренированных мышц почти безукоризненно, во всяком случае, аккуратно.

— Ну, дед, у тебя и самогонка! Чтобы меня пронять, нужно изрядно принять. Давно не пил, даже стихами заговорил. Ха, ха... — залился пьяным смехом спецназовец.

Дмитрий поставил на стол еще одну бутылку.

Валентин Быковский

Родился 11 апреля 1961 г. С 12 лет увлекся фантастикой, в 16 написал рассказ и отправил его в журнал «Техника молодежи».

Служил в армии с 1979 по 1981 г. Окончил Орехово-зубовский пединститут, физико-математический факультет, в 1987 г. Работал учителем в средней школе №14 города Ногинска. В 1994 г. ушел на мебельное производство, где по сей день руководит цехом. Женат, имеет взрослую дочь.

— Чего молчишь-то, дед? Выпей со мной. Ты тут хорошо устроился — и мясо, и выпивка. Охотишься? Тяжело, наверное? Животных совсем мало осталось. Ничего, теперь нас двое. Я дичь добывать буду, охранять землянку, а ты хозяйство вести. Перезимуем. А? Не выгонишь? — говорил Терминатор, не нуждаясь ни в чьем мнении.

Его явно клонило в сон. Но Дмитрий еще не все узнал, что хотел.

— Как же ты добрался сюда, служивый?

— О, дед, это целый роман приключенческий можно написать, — несколько оживился спецназовец. — Сколько натерпелся, народу, не счесть, поубивал. А что? Если не я их, то они меня. Люди совсем с ума съехали, за еду смертным боем бьются. Вот ты молодец, накормил, напоил, согрел. Я бы этим революционерам, — погрозил он кулаком почему-то небесам. — И чего им не жилось? В магазинах всего полно, вроде из кризиса выползать начали. Нет, нуж-

но страну взбаламутить. Видите ли, народу плохо живется, только немногие шикают и в роскоши купаются. Несправедливость! А они у этого самого народа спросили?

Спецназовец распаялся все больше, сна как не было.

— Почти у всех машины. Пробки какие везде. А эти со своей справедливостью. Конечно, за ними пошли всякие пи...ты, работать никто не хочет, лучше грабить и отбирать, что люди своим трудом нажили.

— Сам-то ты хорошо жил? — пытаюсь перевести разговор в нужное ему русло, спросил Дмитрий.

— А что? Неплохо жил. Квартиру перед самой катастрофой получил. Дом новый, все наши живут, двор охраняется, детская площадка. Государство заботилось о тех, кто его защищает.

— И чего же не защитили? — не выдержал Дмитрий.

Спецназовец зло глянул на собеседника, налил в кружку из початой бутылки, одним глотком выпил.

— Да, не защитили, но их же больше, они поперли кучей, попробуй справиться. Ведь словно звери. Из нашего отряда я один остался. И то потому, что в крови с ног до головы раненый валялся. А живых толпа убивала голыми руками. Заметь, дед, не судили, не расстреляли на месте, рвали на части, разве что зубами горло не перегрызали.

— А у них было оружие, чтобы расстрелять? И что, прямо просто так напали на мирных военных? — как ни пытался сдержаться Дмитрий, а нотки ехидства проскочили в его словах.

— Неа, — с удовлетворением протянул Терминатор. — Мы их перед этим здорово покрошили.

— Видно, много ты невинного народа погубил? Мирные демонстрации разгонял, журналистам камеры вместе с лицом разбивал? По рынкам кавказ-

цев лупил, и все в маске, наверно? — уже не скрывая злости, спросил Дмитрий.

— Ага, повеселился, — по инерции ответил спецназовец. — Ты что, дед? — попытался вскочить, но настойка сделала свое дело: только беспомощно откинулся к стене. — Ты из этих, что ли? Из революционеров?

— Слушай, «внучек», я не из каких, я сам по себе. А ты засыпай, спи, кому говорю. Утро, оно вечера мудренее.

— Я тебе покажу «спи», я тебя сейчас... — спецназовец с недоумением, что тело его не слушается, замолчал. — Ты что это, дед, со мной сделал? А? Я ведь только приказы выполнял, это же моя работа, — заплетающимся языком говорил Терминатор.

Дмитрий, не слушая затихающее бормотание, убрал со стола и вышел из землянки.

— Понимаешь, дед, у кого сила — у того и власть, — бандит в подтверждение своих слов положил на стол пистолет. — Вот ты, наверняка, не пустил бы, а если у меня имеется такая штука, так и на стол накрыл, и выпивкой угостил. Сейчас времена такие, что никто просто так ничего не дает. Это раньше я мог прикинуться каким-нибудь погорельцем или убогим, подавали — народ сердобольный был. Но, если честно, мне при любой власти жилось вольготно. Свобода! Что хотел, то и брал, не отдавали добровольно, забирал силой. И сейчас так же. Скажешь, нет?

Бандит ввалился в землянку под вечер, с порога ударил Дмитрия, видимо для устрашения. Потом потребовал еды и выпивки. Насытившись, снял куртку, откинулся к стене, предоставив обозреть наколки,

украшавшие почти каждый сантиметр худого жилистого тела. Но шедевром «татуискусства» оказалась надпись на лбу, говорившая скорее всего об имени гостя.

«Вован», разомлев от тепла печки и выпитой настойки, расслабился, его потянуло на разговоры.

— Ты не бойся, если хорошо себя будешь вести, я не трону. Перезимую и дальше пойду. Мир большой, а я в землянке всю жизнь просидеть не хочу. Мне бабы нужны, развлечения, а у тебя что тут... — блаженно потянулся бандит.

— Бабы? Тебе они встречались? — эта тема интересовала и Дмитрия.

— А, дед, и ты туда же, — погрозил пальцем Вован. — Давно не встречал, несколько лет уже. Но говорят, что на Дальнем Востоке, где-то в тайге, целый город не тронут этой заразой, что микробам разным не дают ветра и горы туда проникнуть, вот бабы там и остались. Отобью себе одну, тогда, может, и осяду где, — бандит выпил, удовлетворенно крякнул, мечтательно зажмурился.

— Сказки все это. А если даже и правда, то все равно не дойти. Географию в школе учил, знаешь, сколько километров до Дальнего Востока?

— Я болел, когда мы это проходили. Не твоя забота, дед, дойду или нет. Сюда же дошел от самой Москвы. Народ еще везде живет. Где отниму, где отобью себе еду, но доберусь. Уж больно я охоч до баб. А сейчас приходится мальчишками обходиться. Как в тюрьме, надоело. И кто же таких микробов придумал, чтобы только баб убивали. Найти бы их, ох и поглумился бы я. Как третьего дня двух мальчонков попользовал, — настроение Вована менялось каждую минуту. Посмотрел оценивающе на Дмитрия, усмехнулся. — Не бойся, дед. Я же сказал, что не трону, уж сильно ты страшный. А я люблю, когда тело гладень-

кое, упругое. Ну и самогонка у тебя, прошибла так, что ни рукой, ни ногой не пошевелить.

— А ты не дергайся, — в голосе Дмитрия зазвучал металл. — Спи спокойно, вдруг приснится баба тебе.

— Что? Ты тронулся, дед? — Видно, что бандит прилагает максимум усилий, чтобы схватить оружие, но настойка работала безукоризненно. — Насиловать будешь? Лучше убей.

— Это ты, «внучок», тронулся. Что вы все по себе судите? Спи, а тело твое более благородным целям послужит, — в сердцах сказал Дмитрий и принялся убирать со стола.

— Спасибо, дед, — гость встал из-за стола, прошел к умывальнику. — Спасибо за ужин. Давненько я в тепле и за столом горячего не едал. Все консервы. Закурить хочешь? У меня еще из старых запасов.

— Не курю.

— Молодец. Я тоже давно не баловался, а недавно наш отряд склады армейские обнаружил в тайге. Пришлось, правда, с боем занимать. Фэсбэшники бывшие там окопались. Хорошо воевали, только двоих в плен взяли.

— Куда дели? — поинтересовался Дмитрий.

— А как ты думаешь? — загорелся фанатичным огнем глаза «революционера». — Судили на месте и тут же повесили. Всех, кто бывшей власти служил, повесим. Все из-за них.

— Что «все»?

— Ну, хотя бы эта эпидемия. Кто эти исследования организовал? А?

— Науке все равно, какая власть. Она не зависит...

— Ты старый, дед, потому прощу тебе такие слова, — перебил «революционер». — Независимая

наука только в мечтах ученых, играют с природой в игрушки. Все открытия или по заказу власти сделаны, или все равно ей служат. А люди платят своими жизнями за торжество твоей науки. Знаешь, наверное, сколько погибло при свержении бывшей власти?

— Так говорят, что вы организовали беспорядки и подтолкнули народ к бунту?

— А что же они власть не отдавали? Цеплялись за нее? В собственный народ стрелять приказали. Там ни одного вооруженного человека не было. Но никто не ушел от расплаты, загнали всех в одно здание и взорвали к чертям собачьим. У тебя выпить есть? — неожиданно спросил «революционер».

Дмитрий с готовностью кивнул, он уже боялся, что гость не пьет вообще, а сам предложить не рещался, боясь вызвать подозрения.

— Вот, сам делаю. Говорят, неплохая, — сказал, доставая бутылку из ящика.

— Говорят? Значит, гости к тебе заходят? Не боишься в наше беспокойное время?

— Пока бог миловал. А куда деваться? Идти-то некуда мне.

— А не рассказывали твои гости про секретный институт, он где-то рядом должен находиться?

— Нет, не слышал, — напрягся Дмитрий. — Я же не местный. А зачем тебе?

— Послали разыскать. Обнаружились документы, будто в нем разработали эту «бяку», что женщин уничтожила. Если найду, специалистов пришлю, есть надежда, что можно все вернуть. Но я не верю. Как можно вернуть то, чего нет? Воскресить? Бред какой-то. Хотя... — «революционер» выпил, чуть не задохнулся, крякнул, совсем как давешний бандит, закусил жареным мясом. — Да, действительно хороша. Ух, до печенок пробрала, и в голове сразу зашумело так приятно. О чем я?

— О женщинах.

— Да. Я слышал, что изобретали препарат от рака груди, а в результате какой ужас приключился. Кстати, о власти и науке. Там, в Москве, женщины, уже зная, что обречены, ничего не боялись, лезли на штыки, можно сказать. Кто устоит?

— Не слышал.

— Ты о чем?

— Не слышал ни о каком объекте секретном.

— Да ты говорил уже, — революционер с подозрением посмотрел на хозяина. — Хитришь, дед, глаза вон как бегают.

— Что ты, что ты, — окончательно выдав себя, заюлил Дмитрий. — Выпей лучше.

— Выпить-то я выпью, но ты мне сейчас все расскажешь.

Опрокинув в себя почти половину кружки, «революционер» достал ТТ, передернул и положил на стол.

— Говори, дед.

— Хорошо, сыночек, расскажу, — решил потянуть время Дмитрий. — Я почему скрывал от тебя, что слышал о секретном институте? Там, говорят, люди пропадают и другие странные вещи творятся, так что за тебя испугался.

— Я не просил мне всякие небылицы рассказывать. Твое дело показать где. Завтра пойдем. Далеко?

— Да не очень, — заметив, что настойка начала действовать, расправил плечи Дмитрий. — Мы как раз находимся в приемном отделении.

— Что? Ах ты, гад, — «революционер» попытался схватить пистолет, но только с удивлением уставился на безвольную руку. — Эй, ты что, дед? Что со мной делаешь? — Заметив усмешку на губах Дмитрия, все понял. — Слушай, ведь я же благородное дело делаю. Будущее человечества поставлено

на карту. Моя миссия очень важна. Отпусти, чего меня убивать?

— Никто тебя убивать не собирается. Зачем? Твое тело послужит благородному делу спасения человечества. Так что радуйся, — почему-то разоткровенничался Дмитрий, потом спохватился и стал молча убирать со стола.

— Вот дураки, они действительно верят, что их цели самые правильные и важные, — бормотал Дмитрий, приводя в действие механизм.

Стол отъехал в сторону, из люка поднялась консоль с пультом управления. Нажав несколько кнопок, Дмитрий вернул стол на место.

Стена землянки бесшумно отошла в сторону, открыв кабину лифта с каталкой внутри.

Дмитрий посмотрел на «революционера»: «А ведь его бабы любили, наверно».

Спортивная фигура, заговорит любую, симпатичное лицо с голубыми глазами, сейчас огромными от изумления, не оставляли в этом сомнений.

Дмитрий перетащил гостя на каталку и завез в лифт. На этот экземпляр он возлагал особые надежды, у голубоглазых, по его мнению, больше вероятность обнаружить искомое сочетание генов.

Лифт остановился, дверь открылась в освещенный электрическим светом коридор. Дмитрий провез каталку в дальний конец мимо прозрачных дверей, ведущих в лаборатории, оснащенные по последним стандартам.

«Дед. Я моложе или, во всяком случае, не старше каждого из них, а они дед, дед», — с некоторой грустью думал Дмитрий, хотя специально отрастил бороду, отпустил волосы и подходы к землянке

не слишком маскировал, чтобы больше «материала» заходило к нему на «огонек».

А разнообразный «материал» сейчас необходим как никогда. Исследования тяжело, но продвигались. В успехе Дмитрий нисколько не сомневался, осталось только получить нужное сочетание генов, а, имея такое оборудование, он легко справлялся с любыми экспериментами.

В крайней комнате находилось хранилище, на столах лежали несколько человек. Одним из побочных результатов исследований стало изобретение препарата, «консервирующего» человеческий организм, и Дмитрий сразу осознал выгоду в его применении. Холодильные установки работали исправно, но после них тела нужно долго размораживать, да и лучше иметь под рукой живой свежий «материал». И еще одним из достоинств такой «консервации» оказалось то, что объект все слышал и видел, но Дмитрий быстро привык к умоляющим взглядам пациентов и не обращал на них внимания.

Пристроив «революционера» на свободный стол, Дмитрий заглянул в голубые непонимающие глаза.

— Молва, «внучок», почти правду до тебя донесла. Пытались мы здесь получить средство для лечения бесплодия и очень хороших результатов добились. Первые опыты дали стопроцентный результат. Все испытуемые рожали после введения в их организм наших искусственных микроорганизмов. Когда предъявили результаты властям, знаешь, что они ответили? И так, мол, народу много, куда еще рожать. Я тогда взял и выпустил своих «детिशек» на волю, — Дмитрий на секунду задумался, устремив взгляд в потолок. Профиль его заострился, подбородок выдался вперед. — Да, ошибся. Все женщины и самки

животных на Земле погибли. Но я спасу цивилизацию, найду способ вернуть женщин. А ваши тела приблизят этот миг, гордитесь, что участвуете в почетной миссии.

Полтора десятка мужчин ничем не выдали своего отношения к этим словам, но Дмитрию показалось, что они все одобрительно вскинули руки.

— Ну, вот и молодцы, — произнес с чувством «спаситель» человечества.

— Молодой человек, — нерешительно начал гость. — Я слышал, вы принимаете людей в свою... — он несколько замялся, подыскивая нужные слова: — коммуны?

— Как вас зовут? — вместо ответа спросил Дмитрий.

— Зовут? Вы хотите знать мое имя? Давно я не произносил его вслух. Когда-то много лет назад меня называли Семеном. Семен Перов, — привстал гость.

— Много лет назад? Вы имеете в виду, когда еще женщины были живы? Так?

— О! Мне иногда кажется, что того времени и не существовало вовсе, что это только плод моей фантазии, — горестно вздохнул Семен.

— Сколько вам лет? — продолжал допрос Дмитрий.

— Я с девяностого года. Прошлого века. Это сколько мне сейчас, — Семен с недоумением уставился в стенку, — сколько лет-то прошло?

Дмитрий смотрел на своего одноклассника и видел перед собой глубокого старика. Судя по грубой обветренной коже, пальцам с синими шишками суставов, сгорбленной спине и выцветшим глазам, человек этот пережил немало трудностей. Тем ин-

тересней будет услышать его рассказ. За последние семнадцать лет Дмитрий записал много историй, и все их он сохранил не только на электронных носителях, но и на бумаге. Совсем скоро запас аккумуляторов закончится, электростанция когда-то сломается, а рукописи имеют шанс просуществовать долгое время.

— Ты не узнаешь меня, Семен?

Неожиданный вопрос сбил собеседника с толку, он недоверчиво посмотрел на Дмитрия. Покачал головой:

— Нет, а мы встречались?

— Встречались? Мы за одной партией сидели.

— Димка? — нерешительно спросил Семен, боясь ошибиться.

— Я, я. Сюрприз? Твое появление для меня тоже неожиданность. Очень рад, что ты здесь. Почему раньше не пришел?

— Я и не знал о твоём существовании, вот, — после объятий Семен протянул листок бумаги, — по этой листовке нашёл.

— Ну да, принимать новых людей я начал всего полтора года назад, когда младшим девочкам исполнилось семнадцать. Где же ты жил все это время?

— Жил-то где? — переспросил Семен. — Сначала в городе перебивался лет пять, потом, спасаясь от банд, в лес ушел. Охотился, пока животные попадались, хорошо, что птиц эта зараза не тронула, их ловил, собирал ягоды, грибы, коренья. Не погиб, как видишь.

Истории почти всех, кто последнее время приходил к Дмитрию, похожи друг на друга как две капли воды. Выжили за столько лет только те, кто сбежал из города в лес, в горы. И одиночки. Во всяком случае, только раз сразу трое завалились в землянку, да и то это произошло двадцать лет

назад. Настоечка тогда сделала свое дело, благо все пьющими оказались.

— Банды, — продолжал Семен, — навоевавшись в городах, распались, сожрали себя изнутри. Запасы кончились, забирать пищу стало не у кого, а работать бандиты разучились, да, скорее всего, и не хотели. Без женщин мужики совсем одичали, стимула не оказалось у них, что ли. Безысходность доконала остатки мужского населения.

— Да, земля прокормит того, кто с уважением к ней относится, — поддержал Дмитрий. — Земледельцев, правда, повыбивали, и одиночек, и артельных — уж слишком заметными следы их деятельности оказались. А таежные собиратели и охотники выжили. Животных не осталось в лесах, зато птицы расплодилось в изрядном количестве, при некоторой удаче прокормиться можно. Я вот сейчас всех принимаю, верю, что плохих людей не осталось. Двадцать лет скитаний, одиночества и лишений может выдержать только человек с сильным характером. Натуры озлобленные сгинули в схватках между собой или нашли свою погибель от тоски и голода.

— А как же тебе удалось женщин сберечь? Я помню, ты в медицинский поступал. Неужели лекарство придумал от заразы этой?

— Ну... — Дмитрий покосился на друга. Не очень хотелось раскрывать свою роль в этой истории, — не совсем. Это клоны. Я три года экспериментировал и в одном из забредших ко мне мужчин обнаружил необходимое сочетание генов. Сначала клонировал одну девочку. Не удержался и назвал ее именем первой женщины Земли. Через год, убедившись, что ребенок развивается без отклонений, «запустил в производство» еще восемнадцать эмбрионов. Вот девчонки выросли, сейчас почти

все беременны, так что скоро появятся маленькие детишки.

— Что же ты, один растил столько детей?

— Нет, конечно, одному это не под силу. Я в процессе своих исследований получил препарат, затормаживающий жизнедеятельность организма, кроме нервной деятельности, и мне тогда пришла в голову, казалось, абсурдная мысль. Мужичков «законсервированных» перевоспитать. Я отобрал аудио, книги, фильмы, записи музыки, способные разбудить в человеке лучшие качества. И, тем не менее, эти меры, а может собственные раздумья, позволили предназначенным для «великой миссии» утратить свои кровожадные наклонности. В причинах такого перерождения разбираться нет ни желания, ни времени. Рискнул и стал «будить» новоявленных Адамов. Сначала по одному, а затем и всех остальных. Действительно, другими стали люди, а одного, Вованом зовут, даже пришлось спасать от попытки суицида.

— Ничего странного, чего враждовать в такой момент. Ясно, что сообща легче выжить. Извини, дальше-то что?

— Еву я сам воспитывал. Дал ей все знания, которыми владел. Она к своим девятнадцати годам стала моей первой помощницей не только в хозяйственных делах, но и в научных исследованиях.

— Молодец, и я с радостью буду помогать тебе. Одному осточертело жить, а отсюда, может быть, начнется возрождение человечества, — глаза Семена уже не были пусты, как в начале разговора.

— После того, как мы ближайшие пригодные для земледелия участки возделали, а также вырастили клоны когда-то «законсервированных» лося и зайца, стало ясно, что голод колонии не грозит, — продолжал Дмитрий. — И тогда вместе с Евой решили

использовать все запасы препаратов и вырастить еще два десятка девочек. Соответственно, возникала необходимость увеличить мужское население колонии. И с тех пор дальние охотничьи экспедиции брали с собой листовки с подробным описанием пути к лаборатории. Но впереди нас ждет долгий, тяжелый путь. Никто не знает, сколько поколений должно появиться и сгинуть с лица Земли, прежде чем человек сможет сказать, что он хозяин на этой планете.

В последнее время Дмитрий совсем забыл, что он является виновником катастрофы, практически стершей человечество с лица Земли, и, судя по пафосным речам, считал себя пусть не богом, но, во всяком случае, исполнителем его воли.

— Дима, не переживай, — Ева с любовью смотрела на мужа. — Не получилось — и ладно. Просто устал, наработался за день. Ничего страшного.

— Ничего страшного? — в сердцах переспросил Дмитрий. — И прошлый раз ты говорила то же самое.

Услышав всхлипы, обернулся, Ева, уткнувшись в подушку, плакала.

— Эй, красотка, — Дмитрий ласково погладил вздрагивающее плечо. — Не надо, может, правда, ничего страшного, съел что-нибудь не то или действительно устал, — сказал, успокаивая больше себя.

Ева продолжала плакать, и Дмитрий, закинув руки за голову, некоторое время смотрел в потолок. Потом, видимо что-то обдумав, глубоко вздохнул и произнес:

— Ты молодая, здоровая женщина, и я понимаю, что тебе нужен мужчина, способный не только про-

кормить и защитить, но и в постели... — он несколько замялся: — удовлетворить, что ли.

Ева подняла голову, мокрыми глазами с недоумением смотрела на мужа.

— В общем, я не буду возражать, если ты уйдешь в другую семью, или, оставшись со мной, захочешь с кем-то встречаться.

— Дим, что ты? Думаешь, я из-за этого плачу? По крайней мере, сейчас меня это мало волнует, — поцеловала в губы, затем выпалила: — Это я виновата!

— Ни в чем ты не виновата. Такова жизнь, все мы стареем, и никуда от этого не деться...

— Послушай, — Ева положила ладошку на губы Дмитрия. — Да, я виновата в том, что вы ничего не можете как мужчины. Хотела вам помочь, сделать более выносливыми в постели, заметила, как ты переживаешь из-за этого. Попыталась получить средство, усиливающее мужскую силу. Проверила на зайцах: результат оказался прекрасный. Я в столовой всем мужчинам и подсыпала. Целый месяц девчонки не могли нарадоваться, ты и сам удивлялся своим возможностям. Помнишь? — Дмитрий ошарашенно кивнул. — А неделю назад заметила, что зайчики мои какие-то вялые стали, — Ева опять в голос зарыдала. — Иии... оорган... у них... атрофировалсяяя.

Дмитрий сидел, отрешенно глядя в стену. В голове его роились какие-то подсчеты о том, сколько мальчиков может родиться и какие шансы, что они выживут.

Но потом все эти мысли вытеснило воспоминание о подарке отца на день рождения.

Вызывающий недоумение и восторг бумеранг возвращался к нему, поблескивая лакированной поверхностью на солнце. ☞

Метро

Пахло пылью, старыми тряпками и кошачьей мочой. Окна были столь грязными, что казалось, вот-вот наступит вечер, хотя стрелки часов едва миновали полдень. Несколько сломанных стеллажей и ободранная стойка застыли потрепанными памятниками ушедших дней. Стойку венчала выцветшая табличка с надписью «дежурный библиотекарь». На полу валялось с десятков растрепанных книг, похожих на подстреленных птиц, раскинувших крылья в последнем рывке.

— Влад, ты чего такой хмурый? Фронт работ пугает? Ты же вроде любишь сложные задания. В общем, из этой дыры надо за два месяца сделать конфетку. Времени мало, потому грустить некогда.

— Да я не грущу. Мысли странные лезут. Раньше за стойкой выдавали книги, а через восемь недель будут наливать водку. Была пицца духовная, а будет выпивка-закуска.

Андрей Петрович отряхнул рукав пиджака. Со стороны казалось, что Петрович состоит из одних округлостей. Лысая макушка, двойной подбородок, изрядный животик. Как обычно, он был весь в черном, потому что искренне считал, что темная одежда его стройнит.

— Знаешь, Влад, ты художник, а я бизнесмен. У тебя всегда искусство на первом месте стоит. Я здесь вижу запущенное помещение, которое нам надо превратить в ночной клуб, и за эту работу хорошо платят. Ты думаешь о высоких материях, а я о том, как заработать денег.

— Наверное, именно поэтому вы мой начальник, а не я ваш.

Алексей Прибытков
(псевдоним — Алекс ТекилаZZ)

Родился в г. Самара. Окончил Самарский медицинский университет. После окончания университета получил специализацию по психиатрии. Кандидат медицинских наук по специальности психиатрия, занимается преподавательской деятельностью. Еще в институтские годы пробовал силы в написании миниатюр и небольших рассказов. В настоящее время имеет более 40 научных публикаций по основной специальности и ряд опубликованных рассказов в тематических сборниках.

Внешне Влад был полной противоположностью Андрею Петровичу. Высокий, худощавый и темноволосяй, он производил впечатление человека немного не от мира сего. Точно он чаще смотрит внутрь себя, а не на эту несовершенную жизнь.

— Художники. Что тут еще добавить? Беда с вами, — Петрович достал безупречно белый носовой платок и вытер пот с лысины.

— Я уже давно не художник, — сказал Влад. — Всего лишь дизайнер интерьера. Ремесленник от искусства.

— Зато дизайнер ты лучший в городе. А Питер город не маленький, сам понимаешь. Ладно, не силен я в дискуссиях об искусстве. Проект нужен уже через

неделю, хотя бы в общих чертах. Ты тут пока осмотришь, а мне надо идти. Дела, чтоб их...

Андрей Петрович подтянул галстук и направился к выходу. По пути он увлеченно стряхивал с рукава невидимую пыль. Дверь хлопнула, и Влад остался один на один с почившей библиотекой. Он огляделся, пытаясь мысленно нарисовать образ будущего клуба, но в голове всплывали только картинки из далекого детства: строгая библиотекарша в очках с толстыми линзами, полки с любимой фантастикой и тихий шелест страниц.

Влад поднял одну из разодранных книг, валявшихся на полу. Обложка отсутствовала, а на развороте виднелся отпечаток подошвы. След был на удивление четким, и при желании можно было рассмотреть, что человек, его оставивший, носил сорок третий размер обуви. Книга была напечатана на серой бумаге, а некоторые строки плавали, как веселые караси вокруг крючка незадачливого рыбака.

Влад посмотрел на первую страницу. Впрочем, первой она не была, на ней гордо красовалась цифра двадцать три.

...изучать феномен времени. Можно ли обратить время вспять? Есть ли способ вернуться в прошлое? Существует ли тропа, ведущая в будущее в обход настоящего? Вот лишь небольшая толика вопросов, издавна занимавших лучшие умы человечества. На некоторые из них я могу дать однозначный ответ. Прошлое изменить нельзя. Оно уже состоялось и по сути своей неизменно. А вот остановить время возможно. Как и попасть в будущее. Вы спросите, откуда я это знаю? Дело в том, что мне довелось общаться с одним из существ, способных влиять на время. Любопытен тот факт, что они могут изменять течение времени в мире людей, но не спо-

способны хоть на миг замедлить (или ускорить) его для себя.

«По всем признакам автор сумасшедший», — подумал Влад и посмотрел на часы. Стрелки продолжали свой меланхоличный бег.

Эти существа называют себя своблами. Непривычное сочетание звуков для человеческого уха, как мне кажется. Только не просите меня рассказать о них, ведь мне практически ничего неизвестно про своблов. Тот, с кем я общался, называл себя Марви. Как он выглядит, сколько ему лет и какое он занимает положение в своем мире, мне неизвестно. Я его никогда не видел, лишь разговаривал с ним мысленно. Это было нечто вроде прямой передачи мысли, точнее объяснить не могу. Я слышал его голос внутри головы. Он почти не отвечал на мои вопросы, лишь рассказывал то, что считал нужным.

«Парень точно безумен», — решил Влад и захлопнул книгу. Он еще раз осмотрел пустой холл, сунул растрепанный томик в рюкзак, который всегда таскал с собой, и вышел на улицу. После затхлого полумрака глаза заслезились от яркого света. Влад достал темные очки, водрузил их на переносицу и направился в сторону метро. Солнце с каждым днем пригревало все сильнее, и ноздреватый снег, предчувствуя скорую гибель, испуганно жался в тенистых углах.

Метро привычно ухмыльнулось провалом оскаленного рта. Влад откупился жетончиком от жадных зубов турникета, и эскалатор понес его в вечно голодную утробу подземки. Вагон метро был полупустым. Малыш лет четырех дергал маму за руку и что-то пытался от нее получить. На ярко-розовой курточке ребенка причудливо изогнутыми буквами было выведено: «Little

бою». Две тугих косички с бантиками в тон куртке и кукла в руках не оставляли сомнений, что надпись — наглая ложь.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Горьковская.

Влад достал подобранную в библиотеке книгу и открыл ее на случайной странице.

...в дела людей. На первый взгляд это кажется странным. Почему бы не управлять временем, если тебе это дано? Тем не менее, своблы почти никогда не влияют на бег времени. Подробных объяснений Марви мне не давал. Но, насколько мне удалось понять, вмешательство в течение времени приводит к каким-то необратимым изменениям в мире своблов. К тому же, своблы настолько опередили нас в развитии, что занятия человечества едва ли кажутся им более интересными, чем возня личинок в навозе. Оттого своблы предпочитают не...

Половина страницы и еще несколько последующих были безжалостно вырваны.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Петроградская.

Поезд резко тронулся. Раздалось тихое позвякивание. Влад оторвался от книги. Стоявшая в начале вагона пустая пивная бутылка упала и теперь катилась по пустому пространству между сиденьями. Ее путешествие окончилось у изящного женского сапожка. Взгляд Влада поднялся к коленкам, скользнул по бедрам, обтянутым узкой юбкой, на секунду задержался на груди и встретился с зелеными глазами обладательницы белых сапожек. Влад отметил короткие светлые волосы, чуть вздернутый носик. Девушка, несомненно, была очень привлекательна. Сделав такой вывод, Влад снова посмотрел на бутылку. Та замерла от восторга, прильнув к затянутой в блестящую кожу стопе.

Меж тем, ножка вздрогнула и одним движением задвинула стеклянную поклонницу под сиденье. Бутылка слабо блеснула и издала тихий вздох, наполненный ароматом хмеля. Всю свою жизнь она искала любовь, но ее love story оказалась скоротечной и имела печальный финал.

Влад перелистал несколько страниц.

...и не остановить. Поток времени для наглядности можно представить в виде горной реки, а человека — сидящим в лодке без весел. Река времени несет его вниз по течению от прошлого в будущее. Своблы могут ненадолго одолжить человеку весла. Но скорость течения столь велика, что, даже отчаянно гребя, человек никогда не сможет двигаться вверх, к истоку. Обратное во времени вернуться невозможно. То, что было, уже прошло, и изменить свершившееся нельзя. Весла лишь дают шанс замедлить свое падение в будущее. Если человек будет активно грести против течения, то время для него остановится. Субъективно для него могут пройти многие часы, а для всех окружающих — лишь доля секунды. Теоретически в остановившемся времени можно прожить многие годы. Грубо говоря, можно выйти за сигаретами молодым человеком, а вернуться глубоким стариком.

Влад оторвался от книги и осмотрелся. В вагоне, как обычно, было тоскливо и неудобно. Старичок в потертом драповом пальто углубился в газету, паренек с жидкой бородкой дремал, нацепив наушники и отгородившись от мира музыкальной стеной. Девочка в курточке с надписью «Little boy» терзала волосы кукле. Всем было глубоко наплевать на то, что они не просто едут в метро, а плывут по реке времени.

Девушка в белых сапожках держала в руке книгу. На обложке широко распахнуло пасть непо-

нятное существо. Выглядело оно очень голодным. Стивен Кинг, «Лангольеры» — прочитал Влад. Хорошо, что не женский роман или низкопробный детектив. Влад вернулся к запискам о сути времени.

Можно грести и по течению. В таком случае гребец окажется далеко впереди тех, кто начал заплыв рядом с ним. Другими словами, этот человек перенесется в будущее. Представьте такую картину: для нашего героя минуло лишь полчаса, а его новорожденный сын уже пенсионер и ведет свою внучку в школу.

Только не надо воспринимать образ гребца буквально. Ведь фактически веслами работают своблы, а человек, взятый нами для примера, может вообще не понимать, что с ним происходит.

«Занятная перспектива, — подумал Влад. — Сидишь, никого не трогаешь, и вдруг в будущем оказался. Весело».

Влад открыл книгу ближе к концу. Хотя это могла быть и середина, ведь последние страницы книги отсутствовали.

...а случайность есть непознанная закономерность. Если ты читаешь эту книгу в вагоне метро, то, возможно, это не банальная игра случая, а важнейшее звено в цепочке событий, которые изменят всю твою жизнь.

У Влада возникло ощущение, что автор книги затаился где-то в вагоне и наблюдает за ним. Влад подозрительно осмотрел пассажиров. «А безумие, похоже, штука заразная», — мелькнула мысль.

Он закрыл глаза и попытался осмыслить прочитанное. Воображение рисовало мускулистого мужчину, отчаянно гребущего посреди бурного потока. Тело гребца было обтянуто розовой майкой, а на спине красовалась надпись «Little

girl». Мужчина яростно молотил веслами по воде, пытаясь плыть против течения, но поток неотвратимо нес его куда-то вдаль, смеясь над наивными усилиями гребца.

Когда Влад открыл глаза, мир встал с ног на голову. Вагон был совершенно пустым, лишь девушка в белых сапожках все так же увлеченно читала книгу. Бутылка жалобно поблескивала из-под сиденья. Все звуки исчезли. Не было слышно ни стука колес, ни разговоров пассажиров, вообще ничего. Тишина навалилась и давила, как могильная плита.

Девушка закрыла книгу и растерянно огляделась.

— Что случилось??

— Понятия не имею, — отозвался Влад.

Он подошел к двери вагона и подергал ее. Дверь вздрогнула и неожиданно легко сдвинулась в сторону. За дверью клубился густой туман. Плотная белесая завеса неторопливо колыхалась, точно живая, но в вагон заползать не торопилась. Влад осторожно окунул кончики пальцев, а потом и всю ладонь в туман. На ощупь он оказался холодным и влажным. Влад достал из кармана монетку и швырнул ее за дверь. Блестящий диск нырнул в сумрак. Звук падения Влад так и не дождался.

— Хрень какая-то, — попытожил он.

Девушка положила книгу на сиденье, подошла к Владу и осторожно выглянула из-за его плеча.

— Может, мы провалились во времени? Может, мы спали и поэтому оказались здесь?

Влад покосился на ее книгу.

— «Лангольеры»? Я читал лет пять назад. Занимательная книга. Только всю эту историю про пожирателей времени и пространства придумал американский дядька Стивен Кинг, сидя за столом у себя дома.

К тому же я не спал, да и ты вроде книгу читала, а не дремала.

— Может, наоборот? Все спали, и поэтому они погибли, а мы застряли во времени?

Влад не смог сдержать улыбки, хотя исчезнувшие пассажиры и странный туман вовсе не располагали к веселью.

— Спали? Весь вагон? Быть того не может. С чего ты вообще решила, что мы застряли во времени? Хотя версия ничем не хуже, чем любая другая.

Слушай, раз уж мы здесь, может, познакомимся?

Я Влад.

— Полина.

— Есть какие-нибудь идеи что делать?

Лицо девушки просияло, она торопливо достала из сумочки мобильный телефон и пробежала пальчиками по клавишам. Кто-то невидимый достал ластик и стер радостное выражение с ее лица.

— Не работает, — растерянно сказала Полина.

— Интересно, а если мы и правда попали в искривление времени, здесь мобильники должны работать или нет? Вообще-то они в метро и так не везде работают.

Влад снял со стены огнетушитель, бросил его за дверь и прислушался. Из серого тумана не донеслось ни звука.

— Ты как хочешь, а я туда не пойду. Это самоубийство, — сказал он.

Полина молчала. Страх кружился в ее голове, как рой пчел вокруг потревоженного улья. В довершение всех бед Полина ощутила острое желание помочиться. И где? Прямо в вагоне? Мысль о том, что придется делать это в серый туман, внушала острый ужас (а вдруг там кто-то живет и схватит меня прямо в этот момент???)

Влад прошел в конец вагона. Место сцепки исчезло, словно их вагон отрезали от соседних гигантским ножом. Тишину нарушили странные звуки. Влад напрягся. Воображение услужливо нарисовало ему огромного монстра, который тихо подбирался к ним в тумане, лениво чавкая. Из его пасти торчали наполовину пережеванные человеческие ноги. По морде чудовища стекали струйки крови. Потом до Влада дошло, что он слышит приглушенные всхлипы. Полина сидела, закрыв лицо руками, и тихо плакала.

— Поменьше фантазируй, — пробормотал Влад. — Так и зайкой сделаться недолго.

Он подошел к девушке. Осторожно и немного неловко обнял ее за плечи. Полина не поднимала голову и тихонько вздрагивала. Влад с удивлением почувствовал, что страх его отступил, и на смену ему пришла нежность. Ему хотелось сидеть и обнимать девушку, вдыхать легкий запах ее духов, чувствовать, как волосы прикасаются к его руке.

— Я боюсь... — прошептала Полина.

— Не волнуйся, все будет хорошо. Надо только немного подождать.

Влад и сам не очень верил в свои слова. Страх засел где-то глубоко внутри и ворочался, как голодный червяк в созревшем яблоке. Полина подняла заплаканное лицо. Влад окунулся в ее зеленые глаза и понял, нет, где-то в глубине души почувствовал, что эту девушку он искал всю свою жизнь.

Мгновение спустя что-то произошло. Как будто щелкнули выключателем, туман исчез, и в мир вернулись звуки, запахи и цвета.

— Мама, а как дядя там оказался? — девочка в розовой курточке показывала на Влада. Мама наклонилась и попыталась растолковать ребенку, что указывать пальцем неприлично.

— Мама, а почему тетя плачет? — не унималась девчушка. Женщина смущенно посмотрела на Влада, обнимающего Полину, и что-то стала объяснять дочке про правила приличия.

Влад погладил руку Полины.

— Вот и все. Мы вернулись.

Полина недоверчиво рассматривала людей в вагоне, словно опасаясь, что мир выкинет какую-нибудь новую шутку, пострашнее прежней. На лицах людей было написано стандартное равнодушие, никто не обратил внимания на слезы Полины, никто не смотрел на Влада. Одним словом, все было как прежде. Похоже, что в вагоне никто ничего не заметил, кроме маленькой девочки, которая уже получила от мамы по попе за глупые фантазии и обиженно насупилась.

— Станция «Черная речка», — донесся голос из динамиков. Поезд плавно замедлил ход.

Полина достала из сумочки голубой платочек с вышитым медвежонком и вытерла слезы.

— Это моя станция, — произнесла она.

— Можно я тебя провожу?

Секунду, показавшейся Владу вечностью, Полина молчала. Поезд вынырнул из тоннеля на ярко освещенную станцию.

— Конечно, — сказала Полина и улыбнулась.

— Зачем ты это сделала? Кто тебе разрешил?! Да как ты вообще до такого додумалась?!

— Но, папа, они же любят друг друга! Если бы не я, то они бы даже не заговорили и никогда больше не встретились!

— Какая тебе разница? Это всего лишь люди! Нас не должны волновать их дела! Ты забыла,

чему тебя учили еще с детского сада? Вмешательство в ход времени сокращает твою жизнь! Твой подарок этим примитивным существам приблизил тебя к могиле!

— Папа! Всего лишь десять минут...

— Что, в школе перестали объяснять элементарные вещи? Для НИХ прошло десять минут, а ТВОЯ жизнь стала короче не меньше, чем на неделю!

— Но папа... — донеслось сквозь слезы.

— Ничего не хочу слышать! Ты губишь себя из-за каких-то глупостей! Полюбят они друг друга, понимаешь ли! С сегодняшнего дня ты месяц сидишь дома. Выходишь только до школы и обратно!

Он не выдержал и с силой шлепнул свою дочь пониже спины. Такого с ним еще никогда не было, он всегда говорил, что лучшее воспитание — это слово. Рыдания стали громче. Отец и дочь. Два свобла. Десять минут чужой жизни и неделя собственной.

Из метро Влад и Полина вышли, держась за руки.

— Ах ты! Я книгу в вагоне оставил.

— Какую книгу?

— Нашел сегодня в заброшенной библиотеке. Там про время было написано. Что его можно останавливать и ускорять. Не важно, может, оно и к лучшему. Тебе говорили, что ты очень красива?

— Иногда...

— Я не устану это повторять.

Полина нежно жала ладонь Влада. Их не покидало ощущение, что все только начинается. ❏

Знакомьтесь, Атмагеддон

Утро началось рано. Когда я открыл глаза, туристическая программа по-прежнему перелистывала на экране листы индивидуальных Атманов с их фотографиями и краткой диагностической картой. Вокруг цвела тьма, однако каким-то невероятным образом я знал, что скоро рассвет. Монитор работал бесшумно и совершенно независимо от моей небритой персоны — лица и скучные анкетные данные сменялись на нем один за другим. Я брезгливо поморщился и посмотрел на сноску внизу экрана. Сноска вещала, что ублюдков сегодня прибавилось немного — всего несколько миллионов голов.

Число могло бы порадовать основателей Туристической Программы, однако лично мне было глубоко наплевать.

Отхлебнув сому из горлышка грязной засаленной липкими пальцами бутылки, я сел на кушетке перед экраном Программы и отсалютовал техническому чуду дрожащей от таблеток рукой. Затем сделал еще один смачный, продравший горло глоток. Рядом со мной светился только компьютерный экран, все остальное скрывала тьма. Энергетической мощности ядерных станций хватало только на поддержание жизни в туристических Куполах, и поэтому я экономил как мог — не включал свет, не пользовался бойлером и электронным клозетом, не следил за орбитальными зондами и состоянием атмосферы. Плевать, господа, это значит плевать.

Отгнав никчемные мысли, я оттолкнулся ногами от пола и заставил свое кресло доехать до противоположной стены. Там потянулся привычно на высоту полки, в полной темноте открыл дверцу и достал банку с консервами. Дернул стальную нитку, открыл, начал есть, доставая пащтет руками. Таков

Илья Тё

Родился 04 декабря.1975 г. во Владивостоке. Среднюю школу окончил с серебряной медалью. В 1998 г. окончил юридический факультет Дальневосточного государственного университета. С 2002 года работает генеральным директором ООО «Красный Мамонт». Данный рассказ первая публикация автора в жанре фантастики.

был мой суточный распорядок: три раза в день — дешевые концентраты и бесценная сома, два раза в день — порнуха, раз в день — прогулка на свежем воздухе по кольцу криокамеры. Вот и весь план на оставшиеся дни жизни.

Помню, когда Программа только началась, все было гораздо жестче и хуже — например, банка с рыбным дерьмом, которое господин Али упорно именовал мясом тунца, обходилась мне в половину суточного оклада — безумно дорого, если учесть, что в сутки я работал по пятнадцать часов, снимая мозговые датчики с землекопов, что дохли на рытье котлованов для Куполов сотнями голов в день.

Я помню, как все начиналось, — господи, как же давно! Помню тот первый год работы Программы, первый год великого нового счастья и последний год счастья старого...

Мы с Гури лежали на такой же кушетке в нашей маленькой социальной квартирке в Ормузде, — помню это ясно, будто случилось вчера. Ее длинная нога покоилась у меня на груди — точеной коленкой

прямо под подбородком. Я ласково гладил ее бедро, она нежно теребила мне волосы.

— Компания «Параматма», господина Али, — сказала она своим мягким, бархатным голосом, и я зажмурился от наслаждения, ведь глубина ее речи всегда заворачивала меня и пьянила, будто глоток доброй сомы. — В новом сезоне они открывают программу для молодых семей, ты не слышал?

— Нет, не слышал, — произнес я и прижался губами к ее чудесной груди. — К чему это нам?

Нога соскользнула вниз, и Гури поднялась над кушеткой, вонзив в меня взор своих черных, сверкающих глаз.

— Но это же бессмертие, Бхагаван, — голос ее звучал теперь укоризненно. — Неужели ты не хочешь жить вечно? Господин Али — известный меценат, самый бескорыстный человек на планете. Говорят, он придумал эту программу для молодежи специально, чтобы дать возможность юным и малоимущим гражданам. Неужели не понимаешь?

«Понимаю», — подумал я и шумно втянул носом воздух.

— Меня волнуют завтрак и чашка сомы, моя милая Гури, а вовсе не вечная жизнь, — воскликнул я, хотя знал, что она не любит, когда я вспоминаю про свой наркотический морс. — Но больше них я хотел бы сейчас тебя.

С этими словами я улыбнулся и взял ее за лодыжку.

Она игриво отбросила мою руку, тонкая ножка ускользнула от грубых пальцев. Гури прищурилась и чуть приоткрыла губы, будто ожидая чего-то, но в то же время готовясь спросить сама. Я весело рассмеялся, поскольку знал это выражение — когда она смотрит на меня именно так. Сейчас она попросит меня о чем-то, подумал я, и я не смогу отказать.

— Стоимость одного Атмана снижена господином Али всего до двухсот тысяч рупий, — произнесла вдохновенно Гури. — Если взять на пять лет кредит в банке Дели, мы сможем выкупить один Атман на двоих.

Я воздел вверх руки, соглашаясь с ее желанием. «Мы сможем выкупить один Атман на двоих», — прозвучали ее слова. Разумеется, моя красавица не ошиблась. Нас было двое, но спустя месяц мы выкупили лишь один...

Гулять в виртуале я начал очень давно, пожалуй одним из первых в Делийском султанате, благодаря своей весьма удачной профессии сетевого чандала. Первые версии виртуальных реальностей появились в силиконовой долине на Шри-Ланке очень давно — почти пятьдесят лет назад, но только в день окончания мной Университета Мумбаи, хотите — верьте, хотите — нет, по телевидению официально объявили о создании полноценной виртуальной реальности. Новая «Туристическая Программа» — именно так, из двух слов и с заглавной буквы, — объединяла все сетевые ресурсы в единый гигантский конгломерат.

Впервые я столкнулся с ее подобием еще на первом курсе, в самом начале профессионального обучения. Мне было тогда восемнадцать. На голову надели шлем, посадили в неудобное кресло. Любезный доктор Чаван, преподаватель, что вел семинары по сетевому мониторингу, предложил расслабиться и спокойно закрыть глаза. Уверенная рука ассистента подвела электроды к вискам, чей-то палец нажал на ввод. В тот день мой электронный Атман впервые отправился в рай...

После открытия электромагнитной синхронизации позволяющей передавать компьютерные сигналы непосредственно в мозг человека, а не через видеообразы мониторов и звуковые сигналы наушников, мы смогли отказать от грубых перчаток, имитировавших тактильный контакт, звуковых шлемов и экранов-очков, рисующих искусственный мир перед глазами. Виртуальная реальность внезапно стала частью нашего разума! С самого первого посещения она казалась мне настоящей, — истинным, подлинным раем, Эдемом, божественными полями. Суть была в том, что львиная доля виртуальных пространств создавалась когда-то на основе творений человеческого

духа — произведений литературы и кинематографа, однако сейчас превратилась в огромные игровые поля.

Переходя из одной виртуальной вселенной в другую, — а они множились в те дни как саранча, — я смотрел на прекрасные, красивейшие места, населенные удивительными созданиями. Дни и ночи я бродил по бескрайним просторам полей и лесов, пересекал широкие моря и полноводные реки, одолевал джунгли и прерии, гулял по средневековым цитаделям и городам, путешествовал, открывал тайны и чувствовал себя взрослым. Я любил чудных женщин и дрался с отчаянными врагами — правда, большинство из них было ботами, но, клянусь, они не отличались от настоящих.

А дальше появились... независимые Атманы.

Разумеется, изначально мировое правительство в Дели признало их незаконными, и когда несколько обеспеченных старцев перезаписали себя в виртуал, приняли яд, а затем объявили о правах на собственное имущество из Сети, их хотели стереть, уничтожить, как сломавшиеся программы. Но дело закончилось как обычно — ведь деньги решают все! Чиновники отказались от взяток, и адвокаты сетевых мертвецов оплатили услуги СМИ. Начался жуткий рев, раздутая телевизионщиками истерия быстро перекинулась на толпу, которой неожиданно объяснили, что Туристическая Программа предлагает не только удивительные развлечения, но и подлинное бессмертие...

Ужас подкрался внезапно, накрытый темною проглыней. Подкрался — и бросился нам на спину. Сначала за запись Атмана и сохранение его после смерти в Программе брали баснословные деньги. Однако вскоре, когда массовые протесты населения против завышенных цен на бессмертие заставили правительство приструнить монополии, все решительно изменилось. Возможность купить Атман — то есть создать

копию «себя» в виртуале, оказалась доступной для всех. И фантастически вожаемой!

Миграция в ничто началась.

Сначала в электронный мир отправились старики и смертельно больные люди. Это было нормально, ведь бессмертие в виртуале задумывалось специально для них. В тот первый год Туристическая Программа принесла много счастья, спасла потерявших надежду, дала возможность жить и работать тем, кто готовился умереть.

Однако уже второй год получился совершенно иным. За пенсионерами в глубины нереальной реальности отправились крепкие и здоровые люди — бесконечным потоком, рекой в миллионы лиц. Женщины и юноши, девушки и мужчины. Новая волна беглецов уходила в сеть не ради спасения жизни, — но чтобы чувствовать себя красивее и моложе, научиться летать и вызывать силой мысли пламя. Сдвигать руками горы и не дышать под водой. Все это оказалось возможно для электронных Атманов, ведь основой виртуальных пространств являлись старые добрые игры и кинофильмы. Тела «сбежавших» некоторое время сохранялись спящими в медицинских центрах, однако быстро старели и умирали. Удивительно, но, оказавшись ненужным, человеческий организм изнашивался быстрее, даже в самых идеальных условиях. Впрочем, смерть физического носителя в реальном мире не печалила электронных мигрантов, ведь их виртуальная жизнь от этого не менялась.

Третий год Туристической Программы стал подлинной катастрофой. Когда в искусственный рай сбежало три четверти человечества, власти попытались закрыть Программу, однако «нескопированные» избиратели подняли массовый бунт. В результате невероятных усилий всех ведомств, концентрации оставшихся финансовых ресурсов и помощи армии, на четвертый год планету покрыли Системные Купола, полностью автономные и совмещенные с ядерными реакторами, спрятанными в глубине

под землей. Туда поместили могучие сервера, хранящие виртуал и его сбжавших в пустоту обитателей...

Усмехнувшись этим диким воспоминаниям, я снова глотнул из бутылки наркотической сомы и поморщился от крепости безумно дорогого напитка. Сомма называлась «Бабур» и стоила до неприличия дорого в том старом, канувшем в лету мире. В каком-то смысле бесценный напиток достался мне по наследству от Человечества. Когда последний чиновник правительства бежал от меня в виртуал, он кинул мне связку ключей от последних хранилищ. В нашем Куполе было много складов, и они были разными, однако я стал последним, кому они остались нужны.

— Все твое, Бхагаван, — сказал мне беглец, ухмыляясь. — Наслаждайся, пьяница, наслаждайся!

Я грубо отшил его, однако он не обиделся, а только сверкнул зубами и удалился. Впрочем, обидеться он не мог, ведь там, куда все они уходили и куда не мог уйти я, было слишком чудесно, чтобы вспоминать о плохом.

На складах я не нашел свежего мяса, фруктов и овощей — только стеллажи с концентратами, что было понятно, учитывая полное отсутствие земледельцев на нашей милой планете. Зато таблеток и морса я нашел вдоволь. А зря.

— У вашего мужа острое неврологическое расстройство, — говорили черноволосой Гури мои лечащие врачи, — он трудоголик, его постоянно мучает бессонница, он не может расслабиться, не может отдыхать. У феномена крайне неприятное объяснение. В височных долях мозга мы наблюдаем закупорку некоторых второстепенных нейронных каналов, это совсем не опасно, однако более трех-четырёх часов ему находиться в Программе нельзя. Пребывание в состоянии Атмана попросту убивает вашего мужа, он один из немногих людей на планете, имеющих противопоказания к виртуальности — с его мозга нельзя снять копию, нельзя перезаписать. Един-

ственными способами расслабления для мистера Бхагавана является алкоголь, а также химические наркотики.

— Зато он любит меня, и у него водятся деньги, — махала рукой моя Гури, ничего еще не понимая, — Вы знаете, по результатам прошлого года Бхагаван признан лучшим сетевым чандала штата Мумбаи-Прадеш. Мой муж прекрасный работник!

Врачи кивали и улыбались.

Вспоминая тот день, я тоже киваю и улыбаюсь. Коновалы, обнаружившие у меня патологию нервной системы, мигрировали в Программу уже очень давно. Время от времени я захожу в их личные виртуальные вселенные и смотрю, чем занимаются эти высокообразованные животные. Основная масса обывателей в виртуале почему-то разыгрывает из себя богов — трахает все живое и мочит ботов в брызгах крови и потрохов.

Очнувшись от путешествия по быломu, я отрываю глаза от экрана и вижу, что уже расцвело. Темнота отступала все это время, но постепенно и незаметно, как кобра, скользящая по траве. За размышлениями и едой я не успел заметить, что пурпурный рассвет, прекрасный во все времена — с человеком и без человека, чарующий дивными красками и опьяняющий хмелем, цветет вокруг алым, пылающим маревом. В красках красного первые лучи бредущего сквозь тьму солнца проникают в мою неприбранную каморку.

Я подхожу к окну и вглядываюсь расширенными от сомы зрачками в свое последнее утро.

Внизу, за стеклами, лежит пустая, пугающая земля. Безлюдные просторы без границы и без конца простираются перед моими очами из одного бесконечного края мира в другой. Ядерные реакторы спрятаны глубоко под землей, и девственные леса с их неистовыми дикими тварями подступают к самым стенам моего Купола.

Таких куполов на планете четыре. Один для Джайпура, один для Харбина, один для Детройта и один для Мо-

сквы. Они наполнены сложной техникой, соединенной переплетением проводов между собой и огромным реактором в подземельях. В каждом Куполе живут миллиарды электронных людей и около тысячи спящих тел, на случай стихийного бедствия или технических сбоев. Статистика сносок, которые я просматриваю каждый день, сообщает, что нас уже четыреста миллиардов. Не плохо, учитывая, что в начале Программы на планете жило в сотни раз меньше. Сейчас дети не рождаются здесь — человечество размножается в виртуале, и электронные родители учат бегать своих электронных детей по виртуальным полям. Люди-атманы живут новой, возможно, более сочной и яркой жизнью, но жизнь эта — не для меня.

Я снова пью и снова рассматриваю бутылку. Мне нужна смелость, чтобы исполнить задуманное. Сوما вдыхает в меня отвагу. С каждым глотком мне кажется, что слова про четыреста миллиардов — это еще одна ложь. Я стою здесь один на вершине огромного купола, и только хмельной рассвет улыбается мне с небес.

Один! И четыреста миллиардов атманов, подвластных клавишам под моей грязной рукой.

Ровно месяц назад мне написала моя любимая Гури.

«Как дела, дорогой?» — спросила меня она. Пять лет меня никто так не звал, и лучше бы — не звал никогда.

«Прости! — продолжала она, поблагодарив за кредит и бессмертие, — я не отвечала так долго, потому что была занята. Ты знаешь, мой Бхагаван, искусственные вселенные невероятно прекрасны... И у этого есть обратная сторона. Ты болен, мой дорогой, и мы не можем встречаться более, ибо несколько часов, которые ты можешь проводить в Программе за одни сутки, слишком мало для настоящей любви. Четыре года назад я встретила здесь другого...»

Другого, повторяю я про себя. Четыре года назад.

Я делаю последний глоток и с яростным криком, швыряю пустую бутылку в прозрачный внешний

витраж. Бронебойное стекло выдерживает, разумеется, ибо конструкция куполов необычайно надежна — стекло не пробьет даже пуля. Однако я ведь не пуля, а последний человек на Земле. Поэтому я хищно скалось, затем бешено хохочу. Когда я сдохну от старости, четыре купола — хранители Человечества — будут работать по-прежнему, и четыреста миллиардов Атманов продолжат путь бессмертных полубогов по своим виртуальным мирам. Но среди них не будет меня и тем более — меня с ней. Говорят, чувство юмора есть показатель разумности. Ложь! Показатель разумности — это способность решать технические задачи.

Там, на складе, помимо допинга и консервов, я нашел строительную взрывчатку — для котлованов, в которые лили фундаменты Куполов.

В моем кармане радиостанция. Она работает через спутник и настроена на четыре беспроводных детонатора, подключенных к динамитным цепочкам, что обматывают серую паутиной помещения реакторов во всех четырех Куполах. Я устанавливал их ровно месяц, путешествуя по огромной планете на пустующем подземном метро. Никто не вышел из виртуала, чтобы встать у меня на пути. Четыреста миллиардов Атманов даже не знают о приближении своей смерти.

Я закрываю глаза, чтобы не видеть бескрайние просторы окружающей меня пустой и дикой планеты. Люди предали эту реальность, она ответит им тем же.

В висках моих бешено пульсирует сома, разум стискивает тупыми когтями бессонница.

«Прощай, моя милая Гури», — говорю я в пустоту и нажимаю на кнопку.

Пол вибрирует и взлетает.

Четыреста миллиардов атманов отправляются к дьяволу в ад.

Это кара, говорю я им всем.

Это — Атмагеддон. **У**

Что выбросит море

Штормило. Питер Макилвейн шел по берегу моря, привычно глядя в линию прибора: не принесла ли вода что-нибудь полезное?

Жители острова издавна обходили береговую полосу, разыскивая выброшенные морем вещи, необходимые в повседневности. Можно сказать, это было их основным занятием после рыбной ловли и разведения свиней, непонятно каким чудом оказавшихся на острове. Должно быть, в памятные времена их тоже выбросило море.

Остров был настолько далек от центров цивилизации, причем не в географическом, а в геополитическом смысле, что до него решительно никому не было дела. Жителей предоставили самим себе. Было похоже, что о них давно забыли. Но их это устраивало.

Питер шел, отмечая изменения береговой линии. Вот этого камня здесь раньше не было. А этот был повернут к морю острым краем, а теперь волны развернули его плоской стороной к прибору. А вот эта плита все-таки раскололась пополам. И все из-за сильного вчерашнего шторма.

Питер потому сегодня и поднялся пораньше — шторм обычно выбрасывал самое интересное, чего не могли принести обычные волны прибора. Хотя платяной шкаф приплыл в обычный день, не в штормовой. Как он-то попал в море? Кто знает...

А вот и черный камень. Питер улыбнулся: когда-то на нем — почти в самом центре, там есть небольшое углубление — он нашел золотую монету. Тогда он подарил ее своей будущей жене, с которой — хвала Господу! — прожил уже почти пятьдесят лет. С тех пор он всегда с особым вниманием осматривал черный камень. Но подобных подарков больше не было. Были другие и в других местах. Питер вспомнил красивый деревян-

Сергей Трищенко

Родился 6 февраля 1958 г. в г. Суджа Курской области. Окончил с отличием Белгородский технологический институт строительных материалов. Имеет свыше 50 изобретений в области пылеулавливания, очистки воздуха и КИП. В настоящее время работает директором в издательстве Белгородской государственной сельскохозяйственной академии. Пишет, по некоторым сравнениям, в стиле Шекли. Ничего против такого сравнения не имеет. Хотя кое-кто сравнивал его и со Стругацкими, от чего он тоже не отказывается.

ный ящичек, в котором лежала трубка, пачка табаку и часы. Часы, правда, прошли всего год — хотя Питер их не заводил! — а затем остановились. И, как Питер ни старался, завести так и не смог. Он не сумел найти заводную головку! А ведь те часы, что достались ему от деда, идут до сих пор. Если их заводить каждый день, конечно.

Кто-то из молодых, которые всегда знают больше стариков, сказал, что это новые, современные часы, на батарейках. Но если это новые часы, почему они хуже старых? И откуда молодежь все знает? Неужели им успел рассказать моряк, лет пять назад прибывший к острову на лодке с неисправным двигателем? Он прожил на острове не более месяца или чуть меньше. Свой двигатель (слово-то какое!) он отремонтировал при помощи той же молодежи, тащившей ему все, что было найдено еще отцами и дедами, а особенно то, что сняли с военного судна, выброшенного

на берег еще во времена молодости Питера. Ржавый остров только недавно полностью скрылся под водой.

Моряк долго искал бензин, но потом волны выбросили на берег канистру, моряк обрадовался и отплыл, оставив после себя неясные воспоминания да легкие сожаления о невиданных странах.

Но Питеру нравился остров, и он не хотел никуда ехать. Молодые долго переговаривались, обсуждая речи моряка, а затем заделали дыры в старом баркасе и отплыли в ту же сторону, что и он.

По словам моряка, до другого большого острова было совсем недалеко. Миль... цифру Питер запомнил. Но его никуда не тянуло. А из молодежи никто не вернулся. То ли их победило море, то ли они добрались до берега своей мечты. Больше никто не приплывал на остров и не покидал его.

Оттащив подальше пару небольших бревен, глухо стучавшихся о камни, Питер остановился, чтобы отдышаться. Пусть бревна подсохнут, станут легче, а затем он попытается перетащить их к хижине.

Море дарило все: топливо, одежду — Питер вспомнил, как в недавние времена море обильно выбрасывало трупы — одни в одежде со свастикой, другие в форме со звездами. Не пропадать же добру? И жители островка облачились в подходящие по размеру одежды. Но почему-то с тех пор те, кто носил свастику, стали косо поглядывать на носящих звезды, и наоборот. Питеру же было все равно: он носил китель со свастикой и фуражку со звездой. И его живот никогда не вступал в споры с головой. «Это ведь всего-навсего одежда», — говорил себе Питер. О том, что для кого-то она является выражением мыслей, он не думал.

Утонувших жители острова похоронили на кладбище, не разбирая, кто что носил — все ведь люди.

А вот тут — Питер остановился у упавшего в море небольшого ручейка — он нашел обломок штурвала

с непонятной надписью «ТТТАНИК». «Когда это было — до свастик или после?» — подумал Питер и понял, что не вспомнит. Происходящее не имело значения во времени. Существовало лишь вечное море.

На песке лежала какая-то бумажка. Ровная, прямоугольная, не обрывок газеты. Зеленоватого цвета. Питер наклонился и поднял ее. Море часто выбрасывало бумажки. Некоторые, особо красивые, жители острова прилепляли на стены, украшая седой холод каменных стен или темную шероховатость деревянных.

В центре зеленого прямоугольника скупо улыбался пухлощекий человек, немного напоминающий кабатчика Смита. «Когда бы Смит успел нарисовать свой портрет?» — мельком подумал Питер и чуть не расхохотался от этой мысли: рисовать кабатчик не умел. Джин у него выходил неплохой, а вот рисовать не получалось. Поэтому приходилось на бутылки с собственным джином лепить найденные на берегу моря этикетки. Помнится, он еще угощал ребятишек сладостями за каждую найденную этикетку.

Как бы то ни было, а выбрасывать найденную бумажку не стоило: может, Смит нальет стаканчик за свой пусть и не совсем удачный портрет? Во всяком случае, поводом для пары шуток она может стать.

Питер привык благодарно принимать все, что дарит море: рано или поздно оно пригодится. Будь то обломок доски или же пластиковая бутылка, которых, к слову, с каждым годом становилось все больше и больше.

Питер хотел положить находку в карман, благо она почти высохла, но заметил, что поодаль лежит еще одна бумажка. А за ней другая, третья...

Почти не сходя с места, Питер набрал довольно значительную пачку одинаковых зеленых бумажек.

«Наклею в сортире, — подумал он. — Пусть станет немного светлее». После того, как Браун заклеил сортир одинаковыми листовками с портретом лохматого человека, подобное украшение стало предметом зависти едва ли не всех жителей деревни. Но одинаковые наклейки попадались редко, их приходилось долго собирать.

Больше ничего подходящего Питер в тот день не нашел.

Вечером в корчме, за стаканчиком джина, Питер рассказал о находке соседям. Оказалось, не он один нашел зеленые бумажки, так что затея с даровой выпивкой сорвалась. Но притворно посетовать на неудачу и посмеяться все же удалось.

Бумажки отыскали и Джо Стюарт, и Вилли Браун, и Пол Мэрфи. Ну, может, немного меньше, чем Питер.

— Это деньги, — подал голос кабатчик Смит, к которому стекались новости от всех жителей деревни, и потому он слыл более просвещенным, чем остальные. — О них рассказывал тот моряк. За них, говорил он, можно купить все, что угодно.

— Вот как? — усмехнулся Стюарт. — Так может, мы и за выпивку с тобой расплатимся ими, а не рыбой?

И он подмигнул друзьям.

— И не овощами! — подхватил Мэрфи.

— Нет, без твоей репы я не смогу! — запротестовал Смит.

Все расхохотались. Мысль давать и получать бумажки вместо полезных вещей или продуктов показалась им очень забавной.

— Очень уж их много, — покачал головой Браун. — Этикеток на бутылках и то столько не бывает. А уж чего может быть больше, чем бутылок?

— А ты вспомни, сколько было пробок? — заметил Смит. — Я до сих пор новые бутылки закрываю новыми пробками.

— Пробки — вещь полезная, — согласился Браун.

— И эти бумажки скоро кончатся, — кивнул Питер. — Дерево — и то разное выбрасывает. Море переменчиво...

— Да, затонул какой-нибудь пароход, который перевозил бумажки, — глубокомысленно заметил Браун.

— Не иначе, — поддакнул Смит, — как тогда, с пробками...

«Любит он все время быть в центре разговора», — неприязненно подумал Питер.

Но бумажки не кончились. На следующий день, выйдя за рыбой в море, Питер обнаружил целое скопление зеленых бумажек, настоящий плавучий остров. Но, верный своему правилу ничего не подбирать в открытом море, миновал их. Захочет море — выбросит на берег. Питер даже обломки досок, самую нужную вещь в хозяйстве, не подбирал... Разве только если они попадались у самого берега. У моря свои законы, нельзя брать то, чего оно не хочет отдавать.

Так и получилось: в тот же день все скопление зеленых бумажек было выброшено на песок. Питер успел подобрать несколько из них, когда вернулся с уловом и решил побродить немного по берегу. Не потому, что они были ему особенно нужны, а потому, что не привык возвращаться с берега пустым. Тем более что все равно больше почему-то ничего не нашлось.

Бумажки большей частью расхватили мальчишки. Какую-то они с ними новую игру придумали: передавали по счету друг другу, меняли на камни, на пустые пластиковые бутылки...

На следующий день Питер вышел на берег моря и ахнул: всю поверхность воды, до горизонта, покрывал слой зеленых бумажек.

С тех пор местные жители напрасно выискивали в полосе прибоя какие-нибудь полезные для жизни вещи. Море выбрасывало только толстые пачки зеленых бумажек... ❧

Безбоянная комедия

Был один из тех замечательных октябрьских дней, когда пиджак или куртка — это, скорее, дань календарю, чем необходимость. Было солнечно, тихо и тепло: термометры показывали чуть больше 20 градусов. Повсюду летала паутина, сообщающая бабам о том, что наступило их законное лето. Как я уже сказал, ветра не было, и паутина медленно парила в воздухе, словно летящие на ней паучки решили все разом вдруг никуда не спешить.

Разумеется, такая погода повыгоняла из домов всех, кого только можно было выгнать, поэтому в парке былолюдно. В наиболее дикой части парка собачники выгуливали своих питомцев, а детскую площадку оккупировали выгуливающие своих чад мамы. На скамейках сидели люди всех рангов и возрастов. Кто курил и пил пиво, — благо на запреты у нас всем начхать, — кто клял правительство и очередное повышение цен, кто целовался... А в относительно тихом месте на скамейке под большим каштаном сидел мужчина средних лет в стильном костюме, дорогих туфлях и под стать туфлям очках. Он читал «Войну и Мир», и проходящие мимо люди, прочитав название книги, как-то автоматически старались обойти его подальше — мало ли что можно ждать от человека, читающего в парке подобные книги. Да и в самом этом человеке было что-то, заставляющее людей инстинктивно держаться от него подальше.

Читателю (назовем пока его так) подобное отношение ближних скорее нравилось, чем нет. По крайней мере каждый раз, когда очередной прохожий автоматически обходил его по самому

Валерий Михайлов

Родился 12 февраля 1969 года в г. Ростове-на-Дону. Проживает в г. Аксай (неподалеку от Ростова-на-Дону). Образование высшее: окончил в 1992 году «Ростовский-на-Дону Завод-ВТУЗ» по специальности «Технология машиностроения». В 1995 году окончил «Ростовский Государственный Университет» по специальности «Практическая психология». Работал слесарем, инженером, экстрасенсом, психологом. В настоящее время — профессиональный безработный. Создатель философско-эзотерического направления «Дзен-терроризм». Писать начал в 2000 году. Увлекается психологией, конспирологией, саморегуляцией и мистико-эзотерическим преображением себя.

дальнему краю асфальтированной дорожки, по обе стороны которой и стояли лавочки, Читатель с удовольствием улыбался.

Когда его дорогие наручные часы показали 15:00, Читатель посмотрел на циферблат и недовольно поморщился. Причина его недовольства стала понятна гипотетическому наблюдателю (в реальности за ним никто не наблюдал) в 15:06, когда к Читателю подсел мужчина на вид чуть старше тридцати. Тоже дорогой костюм и дорогие туфли. Волево, гладко выбритое лицо. Короткая стрижка. Атлетическая фигура. При взгляде на него под пиджаком так и представлялась кобура с Вальтером ППК,

но она только представлялась: Гость (назовем пока его так) был не вооружен.

— Ты опоздал, — укоризненно произнес Читатель.

— Это как посмотреть, — ответил Гость. — Как сказал когда-то Эйнштейн, время — штука условная, а значит, точность наших часов полностью зависит от выбранной системы отсчета. Думаю, ты не будешь спорить, что найдется бесконечное множество систем, в которых верны твои часы, и столько же, в которых — мои.

— Бесплатно я вообще не спору, — ответил на это Читатель. — И ты уже отнял у меня лишнее время.

— Хорошо, перехожу к делу: человек, который мне должен был передать одну весьма важную информацию, выпал с балкона 15-го этажа каких-то три часа назад.

— И это был единственный источник информации, — закончил за Гостя Читатель.

— Ты чертовски догадлив.

— Ну, если бы ты мог решить эту задачу, не обращаясь ко мне...

— Ты слишком дорого обходишься, чтобы обращаться к тебе в иных случаях.

— Положение последней надежды позволяет позволять себе некие вольности, да и никто не отрывает от безделья по пустякам.

— Так ты сможешь помочь?

— Все зависит от того, что ты хочешь.

— Вытащить информацию из покойника.

— Мда... не простая задача.

— Так ты можешь помочь?

— Есть у меня один человек.

— На кого он работает?

— Насколько мне известно, ни на кого.

— Ты же сам меня учил, что в наш век все на кого-то работают, даже те, кто не работает вообще.

— Я, например, ни на кого не работаю.

— А как мне известно, ты работаешь на всех.

— Я на всех отдыхаю, а это совершенно иное дело.

— Не скажи. Ладно, как я могу найти твоего человека?

— Запоминай адрес. Скажешь, что от меня.

— А что он захочет за помощь?

— Ничего, кроме денег. Он вполне приличный парень, так что воплощение идей типа мира во всем мире его не интересует. Только деньги. По крайней мере, от тебя ему больше ничего не будет нужно.

— С такими приятно иметь дело. Как, собственно, и с тобой.

— Спасибо за теплые слова, — съязвил Читатель.

— Ладно, не буду больше отнимать у тебя время.

Сказав это, Гость встал и быстро пошел в сторону припаркованной неподалеку машины. Его походка была стремительной и легкой. Дождавшись его отъезда, Читатель тоже встал и медленно пошел в другую сторону. Поравнявшись с урной, он бросил туда книгу.

В 15:43 Гость набирал номер квартиры на панели домофона в третьем подъезде так называемого элитного пятнадцатизэтажного дома. Немного противно поверезжав, динамик домофона мужским голосом спросил:

— Кто там еще?

Радушия в голосе не было ни капли.

— Я от Кириллы Филипповича, — ответил Гость.

— Поднимайтесь, — уже более приветливо пригласил голос.

Магнитный замок под соответствующее звуковое сопровождение открылся, и Гость вошел в подъезд.

Найдя лифт, он поднялся на нем на шестой этаж и постучал в дверь слева от лифта. Открыл высоченный тощий тип в спортивном костюме. На вид ему было лет тридцать с копейками.

— Входите, — пригласил он. — Сюда.

Он привел Гостя в комнату, где царил совершеннейший беспорядок, и усадил на диван, где с мятыми подушками соседствовали компакт-диски, пара книг и штук пять различных пультов дистанционно-го управления. Сам он сел в компьютерное кресло.

— Чем могу? — спросил он.

— Вы Сергей?

— Насколько я в курсе.

— Мне рекомендовал вас Кирилл Филиппович.

— Я слушаю.

— Несколько часов назад погиб человек, который должен был сообщить мне очень важную информацию. Кирилл Филиппович сказал, что вы сможете помочь.

— Самый простой способ — вызвать его во время спиритического сеанса и расспросить.

В ответ на это Гость поморщился.

— Я понимаю, — по-своему расценил его гримасу Сергей, — сегодня нормальные люди уверены, что спиритизмом могут всерьез заниматься только конченые шизики, но это не так...

— Да нет, — перебил его Гость, — дело совершенно в другом. Я в своей жизни сталкивался с вещами похлеще вертящегося стола, так что... Проблема в том, что информация носит строго конфиденциальный характер, да и где гарантия, что в качестве духов к нам приходят именно они, а не какие-нибудь самозванцы. Я лично сомневаюсь в том, чтобы Наполеон, Пушкин или еще кто бросал все и мчался на всех парусах в гости к кучке совершенно ненужных ему оболтусов по первому их зову.

— Хорошо, — сказал после непродолжительного раздумья Сергей. — Есть еще один способ, но он крайне опасен. Так что если вы согласитесь, то только под собственную ответственность.

— Что это за метод?

— Мы изменим ваше сознание настолько, что вы сможете перейти черту между явью и миром мертвых, найти там своего друга и обо всем его расспросить.

— Я согласен. Когда можно будет приступить?

— Сегодня в полночь. Приезжайте сюда часов в 9. Разумеется, вы должны быть один, иначе никакой помощи.

— Договорились, — сказал Гость, вставая.

— Услуга не бесплатная, — поспешил предупредить Сергей.

— Деньги значения не имеют, — отмахнулся от темы Гость.

— Тогда жду вас в 9.

В без пяти девять Гость уже докладывал в микрофон домофона о своем прибытии.

— Выхожу, ответил ему на это Сергей.

Вышел он минут через пять. Спортивный костюм сменил джинсы и куртка на футболку. На плече у него висела спортивная сумка.

— Надеюсь, вы на машине? — спросил он Гостя.

— Да, конечно, — ответил тот.

— Хутор Кирова знаете? — спросил Сергей, когда они сели в машину.

— Примерно, — ответил Гость.

— Нам туда.

— Там что, прорыли нору в царство Аида? — спросил Гость.

Сергей улыбнулся.

Хутор Кирова, или, как было указано на дорожном знаке, «х. Кирова», когда-то был достаточно процветающим совхозом для того, чтобы хуторяне

могли безбедно существовать там на ворованных овощах, кормах, молоке, мясе и зерне. Потом большевизм с халявой закончились, перспектива работать и покупать все ранее бесплатное никого не устраивала, и хутор начал хиреть. К 2011 году, когда и происходили описываемые события, половина домов стояли брошенными. Населявший жилые дома народ занимался пьянством, собирательством металлолома и мелкими кражами.

— Третий дом слева, — указал Сергей на вполне приличный, а на фоне соседских так даже шикарный дом.

У ворот их уже ждал мужчина лет 50. Он был крепким, высоким и вселял нечто среднее между страхом и уважением.

— Знакомьтесь, — сказал Сергей.

— Максим, — представился хозяин дома.

— Денис, — сказал Гость, протягивая руку.

— Ты как? — спросил Сергей.

— Все готово, — ответил Максим.

Они вошли в дом, где на кухонном столе стояли три рюмки и три стакана с квасом. Сергей достал из сумки пластиковую бутылку с похожей на разведенный в воде сапожный крем жидкостью и наполнил рюмки.

— Дрянь ужасная, так что ты дуй ее залпом, а потом сразу запей квасом, — посоветовал Денису Максим.

Все трое именно так и поступили. Денису питье не показалось таким уж и ужасным: горьковато-терпко-травянистое... Пивал он вещи и похуже.

— Теперь в сад, — сказал Максим.

Они вышли из дома, прошли в огород, где уже был сложен здоровенный костер. У костра стояли три удобных кресла, на которых лежали теплые одеяла.

— Твое среднее, — сказал Сергей Денису.

Сам он сел справа. Максим развел огонь и сел в свое кресло. После этого Сергей достал из сумки, которую он взял с собой, две дудочки. Одну он оставил себе, другую передал Максиму.

— Теперь твое дело — молча смотреть на огонь, а наше — играть, — сказал Денису Сергей. И они начали издавать звуки, так как музыкой это назвать было нельзя ни с какой натяжкой. Скорее всего, нечто похожее играл на своей скрипке Шерлок Холмс, накурившись колониальной дури.

Понимая, что в делах магических трудно отличить, что — элемент шоу, а что — необходимый компонент технологии, Денис удобно устроился в кресле, укрылся одеялом и, глядя на огонь, принялся покорно слушать концерт для шизофлейт и огня. Магический настой не пер, и даже не пытался. По крайней мере, как прет привычная дурь. Разве что тепло и покой расслабляли и располагали к дреме. Но арии терзаемых космокошек не давали сну никаких шансов. Денис уже начал подумывать о том, какую компенсацию потребовать у сосватавшего ему эту хрень Кирилла Филипповича, когда огонь вдруг распахнулся, обдал жаром и исчез.

Денис стоял у массивных ворот. Ворота были в раскинувшейся от горизонта до горизонта высокой стене. Сзади была очередь, тоже тянущаяся до горизонта, а впереди у ворот стоял одетый в белую дымку грозный мужик метра три ростом. За спиной у мужика были крылья.

— Во бля! — вырвалось у Дениса.

Услышав это, ангел (а Денис очутился прямо-хонько перед ангелом) посмотрел на него испепеляющим взглядом, но Денис оказался огнеупорным.

— Назовите фамилию, имя, отчество, год рождения, — потребовал ангел.

Денис повиновался.

— Командировочный? — удивился ангел.

— Мне нужно найти одного человека...

— Иерон! — громоподобно позвал грозный ангел.

В следующее мгновение рядом возник ангел с угодливым выражением на постном лице.

— У нас командировочный, — сообщил ему грозный ангел.

— Идите за мной, — пригласил Иерон Дениса, и они прошли за ворота.

То, что снаружи выглядело, как стена, оказалось зданием. Вход был с торца сразу за воротами. Туда и повел Дениса Иерон. Несмотря на то, что в коридоре не было ни окон, ни дверей, ни фонарей, здание было освещено дневным светом.

— Здесь повсюду сияние Господа, — пояснил Иерон, предугадав вопрос Дениса.

По коридору деловито сновали ангелы и ангелочки, тихо шурша крыльями. Некоторые из них любопытно поглядывали на Дениса.

Наконец, Иерон, а следом и Денис вошли в кабинет, в котором противоположная стена от двери напоминала панель ЛСД или плазменного телевизора.

— Назовите ф. и.о. того, кто вам нужен, — сказал Иерон.

После того, как он повторил их за Денисом, на экране высветилась надпись: «Запрашиваемая вами душа отсутствует».

— У нас его нет, — сообщил и так понявшему это Денису Иерон.

— А где он может быть?

— В чистилище или в аду.

— А я смогу туда попасть?

— Разумеется. Но на соблюдение всех формальностей уйдет примерно час. Можете пока погулять,

осмотреться. Второй шанс увидеть рай еще при жизни вам уже вряд ли представится.

— Это точно, — согласился с ним Денис.

— Тогда прошу за мной, — сказал Иерон и прошел прямо сквозь плазменную панель. Денис последовал за ним. С внутренней стороны была лужайка, чуть вдалеке лесок и речка. Было тепло, но не жарко. В воздухе пахло чем-то приторным. На уровне фона щебетали птицы, но не как у нас, а выводили хором приторную мелодию. По лужайке бродили босые, завернутые в белые простыни люди.

— Только за ограждение не заходите, — предупредил Иерон.

— А что там?

— Валгала. Секс, алкоголь и насилие. Но если хотите, чтобы пьяные дикари изрубили вас на куски, то ради бога. Здесь запретных зон нет.

— А я не опоздаю?

— Мы вас найдем.

Иерон уже собрался уходить, как вдруг народ бросился на пол и уткнулся лицом в траву.

— Чего это они? — спросил его Денис.

— Они узрели следы господни и благоговейно прильнули к ним губами.

Увидев непонимание на лице Дениса, ангел поспешил пояснить:

— В основе райского блаженства лежит любовное благоговение праведника перед господом. Господь постоянно демонстрирует праведникам, что он здесь, с ними, являя им то свой лик, то следы своих ног. Склоняясь перед ликом господним или благоговейно целуя следы ног его, праведники наполняются блаженством благодати божьей.

— А как же вино, бабы и исполнение всех желаний? — спросил Денис.

— Ну, это вульгаризация понятия блаженство. Человеческий ум не в состоянии переварить идею чистоты блаженства благоговения, поэтому они и выдумывают разные нелепицы. Здесь же все эти предметы их мечтаний попросту не имеют смысла.

— Понятно.

— Тогда пока погуляйте, а я займусь вопросом вашей транспортировки. И гуляйте смело. Это все-таки рай, а не ночная Москва.

Сказав это, ангел поспешил убраться, оставив Дениса одного. Немного подумав, тот решил искупаться в реке, благо, погода была самой подходящей. А решив это, он отправился к речке, инстинктивно обходя места скопления праведников. Те немного косились на его джинсы, рубашку и куртку, которую он нес в руках, но их отвлекало очередное явление господи, и они, забыв обо всем, принимались благоговеть, не забывая бухаться на колени. Вот только выкупаться в речке Денису так и не удалось. Вместо воды там были молоко и мед. В этой субстанции плавали рыбы. Вытащив головы из коктейля, они пели славящий господи гимн, а над ними, словно стайки птиц, носились звезды, подпевая рыбам детскими голосами.

— Ну и пошлятина! — вырвалось у Дениса.

— Богохульник! — услышал он в следующее мгновение гневный крик у себя за спиной.

Обернувшись, Денис увидел группу гневных праведников, возглавляемую седобородым старцем с выпученными безумными глазами.

— Пади ниц перед господом и моли его о прощении! — возопил старец на всю округу.

Интересно, а они не кусаются? — подумал Денис и приготовился драпать, заехав предварительно

праведному старцу в пятак кулаком, но тут откуда ни возьмись появился ангелочек.

— Умерьте свой праведный гнев, — обратился он к праведникам, — этому грешнику господь даровал возможность собственными глазами увидеть то, чего он лишится, если не раскается и не перестанет грешить. И, упустив дарованный ему шанс, он попадет в ад, и там уже будет рассказывать грешникам о райском великолепии, как об упущенной ими навсегда возможности. Такова воля господи.

После этих слов ангела праведники бухнулись на колени и со слезами на глазах принялись славо-словить господи. Закончив с ними, ангел принялся за Дениса.

— Вам пора, — сказал он и взмахнул крыльями. После этого рядом с ними из земли вынырнула кабинка лифта. Денис вошел. Двери закрылись. Лифт ринулся вниз. В следующий миг исчезло время как таковое. А когда оно появилось вновь, Денис уже стоял у обшарпанной будки, в которой сидела старуха противной наружности.

Воняло гарью и чем-то тухлым. С серого неба моросил дождь.

— Ну, чего молчишь? — набросилась старуха на Дениса.

— Мне нужно найти одного человека. Возможно, он здесь.

— Корпус 5, кабинет 23. Держи пропуск и не потерай.

— А где это?

— Я что тебе, справочное бюро? Спросишь на территории.

И только после этих ее слов Денис понял, что стоит у вертушки в какой-то проходной и разговаривает с вахтершей.

— Ну, чего стоишь, иди, — поторопила она его.

Пройдя через проходную, он оказался на территории гигантского завода. Там все было заасфальтировано, серо, уныло и замызгано. Метрах в ста впереди стоял серый от грязи трехэтажный корпус, на котором было написано: «Сборочный цех №2». А выше красовался транспарант: «Покаянье и труд нас в рай приведут». В открытые ворота цеха постоянно входили и выходили люди с поклажей, отчего он был похож на муравейник.

Видя, что Денис стоит без дела и растерянно вертит головой, к нему подскочило отвратного вида существо в милицейской форме.

— Документы, — потребовало оно, играя дубинкой.

— Вот, — сказал Денис, протягивая пропуск.

— Командировочный, — разочарованно констатировало оно.

— Мне нужен корпус пять, кабинет 23, — сообщил Денис.

— Тут без сопровождения не найдешь. Сейчас обеспечу.

Сказав это, чудовище испарилось, но уже в следующий миг появилось вновь, но уже не одно, а с мужичонкой в драном комбинезоне.

— Доставишь в целости и сохранности, куда он скажет, — приказало чудовище мужику.

— А если спросят? — испуганно пролепетал тот.

— Скажешь, что я приказал.

После этих слов чудовище окончательно испарилось.

— Мне нужен корпус пять, кабинет 23, — сообщил Денис.

— Это пятый корпус заводоуправления, — промямлил мужичок.

— Далеко?

— По здешним меркам рядом.

— Тогда пойдём?

— Вообще-то здесь шагом не принято. Только бегом. Но вы — другое дело. Так что можно и пойти.

— Весело тут у вас.

— Чистилище не тюрьма. Здесь все направлено на очищение от грехов, раскаяние и переход в рай.

— И как вы тут раскаиваетесь?

— При помощи труда. Труд уже сделал из обезьяны человека, сделает и грешника достойным райского блаженства.

— И долго вы тут трудитесь?

— Кто как. Кто искренне раскаивается в грехах и сам старается принять очищение, тот быстро, а кто пытается филонить, те торчат здесь веками.

— А что вы тут еще делаете, кроме труда?

— Два раза в сутки мы благодарим господу за дарованный нам шанс на прощение. И все. Здесь не надо есть или спать, так что труд, молитва и покаяние...

— Да... Это не Рио-де-Жанейро.

— Да у нас что? У нас еще жить можно. Вот в аду, говорят, настоящая жуть. Так что нам еще повезло.

Следующим за сборочным был литейный цех, куда и везли люди на тачках уже готовые изделия. Здесь же одна бригада рабочих заливала пространство между цехами бетоном, а другая этот бетон долбила ломом, грузила на тачки и куда-то везла.

Видя недоумение на лице Дениса, мужичок принялся пояснять:

— Так как мы все здесь умершие, то нам не нужно ни есть, ни спать, ни одеваться... а чистилище — мир, замкнутый сам на себя... Поэтому все, что мы производим, мы же и должны утилизировать. Этот порядок вещей подчеркивает то, что труд для нас —

исключительно перевоспитательный процесс, направленный на искупление грехов. Вот смотрите, — он указал рукой на транспарант, на котором было написано: «Слава искупительному труду!».

— Тогда почему бы вам вместо всей этой никому не нужной хрени не начать делать что-либо полезное или приятное? Благоустроить территорию, например.

— Тогда это уже будет не искупительный труд, а труд ради улучшения условий нашего здесь обитания, а эгоистический труд не является путевкой в рай.

Вдруг один из рабочих не вписался в поворот и прямо с тачкой влетел в свежезалитую бетоном секцию. И уже там он кубарем перелетел через тачку и упал на живот, подняв при этом кучу брызг. Вскочив на ноги, он завопил:

— Боже! Простите меня! Я все исправлю! Я не хотел!

Было видно, что он напуган до чертиков. И не зря.

К нему уже подбежали несколько чудищ в милицейской форме и принялись избивать дубинами. Затем его схватили за ноги и поволокли волоком в литейный цех, не забывая при этом щедро бить его ногами и дубинами.

— Бедняга, это ж надо было испортить чужой труд, — сочувственно произнес мужичок.

— И что теперь с ним будет? — спросил Денис.

— Отправят в домну мешать расплавленную сталь.

— Ужас.

— Зато, как говорят, там можно быстрее искупить грехи.

Наконец, они подошли к корпусу пять. Это было облезшее пятиэтажное здание с заляпанными

грязью стенами и окнами. Внутри оно было еще ужасней: длинные, освещенные тусклыми лампочками коридоры, протертый серо-зеленый линолеум на полу, депрессивно-зеленого цвета стены, облупившиеся, когда-то белые, а теперь серые от грязи двери кабинетов... Вдоль стен стояли люди, покорно ожидая своей очереди.

— А здесь мы проходим испытание покорностью и терпением, — пояснил мужичок.

Кабинет 23 находился на втором этаже. Разумеется, Денис вошел туда без стука и без очереди под завистливые взгляды ожидающих.

За столом сидела изможденного вида тетка из умерших.

— Мне нужно найти одного человека.

— Фамилия, имя, отчество и время смерти.

— Боюсь, у нас таких нет, — сообщила она, потерзав перед этим давно уже устаревший компьютер. — Так что, будем надеяться, что он в раю.

— Там его тоже нет, — сообщил Денис.

— Так вы бывали в раю? — оживилась тетка.

— Я туда заезжал непосредственно перед тем, как прибыть сюда.

— Да! И как там?

— Неопишимо. Вам понравится, — не стал он ее огорчать. — Так как мне попасть в ад?

— Лифт на первом этаже сразу за лестницей направо.

Поблагодарив тетку, Денис отправился на поиски лифта. Нашел он его без труда. Лифт был обшарпанным. Внутри воняло мочой, блевотиной и табачным дымом. На стене вместо кнопок было известное каждому русскоязычному человеку трехбуквенное слово. Когда двери лифта закрылись, Денис растерялся. Но лифт рванул вниз с неожиданной для Дениса скоростью.

Ад встретил Дениса музыкой: играл духовой оркестр. В воздухе пахло свежестью, цветами и еще чем-то еле уловимым и одновременно прекрасным. Всюду были веселые, прекрасно одетые люди. Был вечер или ночь, но всюду горели огни, так что в аду было светло, как днем.

— Могу вам чем-нибудь помочь? — спросил появившийся рядом черт. От него пахло дорогим одеколоном. На нем был безукоризненный фрак, а лицо было лицом истинного аристократа.

— Я ищу одного человека.

— Сектор С. Парк, скамейка у фонтана. Извозчик вас отвезет.

Черт щелкнул пальцами, и Денис в одно мгновение переместился в салон открытой шикарной кареты, которой управлял черт в ливрее. Вокруг был праздник. Люди пели, танцевали, ели, пили, катались в каретах, и все это в предельно изысканной обстановке. Всюду были танцполы, клубы, ресторанчики, гостиницы для влюбленных... И все утопало в зелени и цветах.

В секторе С, правда, было потише. Там все располагало к раздумью и романтике. Там прогуливались или сидели на скамейках предпочитающие тишину и уединение люди.

Карета остановилась возле небольшого, но чертовски очаровательного фонтана, рядом с которым на единственной скамейке сидел мужчина с книгой в руках.

Поблагодарив черта, Денис вышел из кареты и направился к нему.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я могу присесть?

Читающий мужчина окинул его с ног до головы взглядом, затем кивнул.

— Мы должны были встретиться... — начал объяснять Денис, но тот его перебил.

— Аэропорт. Камера хранения. Ячейка 44. Код... Если это все, то позвольте мне вернуться к чтению.

— Простите, а это действительно ад?

— Самый настоящий.

— А как же мучения грешников, адские сковородки и все остальное?

— О, здесь этого ничего нет. Ад — это царство жизнелюбия, и каждый здесь найдет что-нибудь для себя в одном из множества секторов. Я, например, наслаждаюсь уединением и покоем, а когда мне это надоест, поменяю сектор.

— Но почему тогда...

— А чтобы сюда не налезли всякие мудозвоны. Жизнь — это своего рода процесс ректификации или перегонки. Она разделяет людей на три фракции.

Первая из них — это ненавидящие радость жизни праведники и святоши. Эти способны отравить собой все, поэтому для них создана резервация-рай. Там они благоговеют перед своими богами и больше не отравляют ничью жизнь.

Другая нежелательная категория — отморозки-недоделки, которые жить не могут, чтобы не нагадить в лифте или не избить кого-нибудь толпой, не говоря уже о тех, кто жить не может без того, чтобы, вооружив народы какой-нибудь нахрен не нужной нормальным людям идеей, начать преобразовывать мир. Так что для гопников, диктаторов, вождей идеологов и прочих подобных им уродов создано чистилище, где из них делают раскаявшихся идиотов, а затем отправляют к святошам в рай. Там они весьма гармонично дополняют друг друга.

Для тех же, кто хочет наслаждаться жизнью, не отравляя при этом жизнь другим, существует ад. **УС**